

Василий Ковтун

ПОСТИЖЕНИЕ СЕБЯ

Василий Ковтун

**Постижение себя. Эзотерика
для интеллектуалов**

«Издательские решения»

Ковтун В.

Постижение себя. Эзотерика для интеллектуалов / В. Ковтун —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517249-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Василий Ковтун известен читателям поэтическими
сборниками «Мое поколение» и « Наедине с Драконом Лао». Новая книга
«Постижение себя» знакомит с авторским осмыслением знаний, полученных
им в процессе обучения в духовной традиции, уходящей корнями в далекое
прошлое. Если вам интересны вопросы самопознания, если вы ищете путь
к себе и вере — эта книга для вас. И, возможно, эзотерические знания,
изложенные в книге вполне современным языком, помогут вам получить
ответы на интересующие вас вопросы.

ISBN 978-5-00-517249-5

© Ковтун В.

© Издательские решения

Содержание

1. Неформальный взгляд на духовную перспективу	6
2. Попытка увидеть целое	17
2.1. Este homo...	19
2.2. Вид – Homo sapiens, жизнь – собачья...	25
2.3. «Магазин» зеркал	31
2.4. Что есть путь?	38
3. Человек. Инструкция для пользователя	45
3.1. Ученое неведение	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Постижение себя Эзотерика для интеллектуалов

Василий Ковтун

© Василий Ковтун, 2020

ISBN 978-5-0051-7249-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Неформальный взгляд на духовную перспективу

Век двадцать первый, еще до его начала, было принято называть веком информационных технологий. Конечно, это так – спорить с этим глупо. Особенно в той части, что касается процесса производства материальных благ и самой информации. Вместе с тем, в части личного, персонального пространства жизни индивида наступивший век, мне представляется, вполне обоснованно можно назвать веком виртуальной реальности. Победившей виртуальной реальности! И символом этой виртуальной реальности стал, безусловно, Интернет.

В теперь уже отдалённом 1998 году известный русский мистик и философ Аркадий Борисович Ровнер в частной беседе как-то заметил, что скоро миром будет править Глобальный Маг, имя которому «Интернет». Конечно, в то время мне уже было известно, что такое Интернет. Но на постсоветском пространстве его могущество еще не ощущалось. Поэтому пророческое замечание А. Б. Ровнера я воспринял, как некую фантазию, не имеющую прямого отношения к нашей жизни. Мол, мало ли что: посмотрелся Аркадий Борисович на американскую действительность... Пока еще до нас это дойдёт... Как видите, дошло и очень быстро, агрессивно захватывая не только медийное поле, но и персональное пространство каждого человека.

Разумеется, виртуальная реальность в качестве доминирующей пришла на подготовленную почву. В последние два десятилетия минувшего века, особенно, после развала СССР, литературу, кинематограф и мультипликацию буквально заполонили нереальные, фантастические, сказочные персонажи. Разнообразные ведьмы и колдуны, вампиры и эльфы, хоббиты, орки и прочие обитатели вымышленных миров; всякие «властелины колец», «звёздные войны» и, чуть позднее, бесконечные приключения волшебника-недоучки Гарри Поттера, не говоря уже о массе менее известных, но от этого не менее вымышленных героев. Социальные сети дополнили общую картину, поскольку в силу самой задумки Марка Цукерберга обеспечили возможность анонимной «дружбы», когда адресат по переписке скрыт за вымышленным именем, а, значит, может себе позволить быть дозированно реальным и опознаваемым.

Одновременно развивается игровой сегмент: компьютерные игры с использованием литературных и киногероев, а потом, наоборот, фильмы на базе компьютерных игр, и т.д., и т. п.

С развитием и повышением доступности компьютерной техники и соответствующих средств связи любого размера и на любой кошелек, было сделано главное для торжества виртуальной реальности: человек все более и более привязывался к экрану, уже не представляя свою жизнь вне Интернета и всего, что с этим связано. И постепенно важным становится не реальность за окном, а лишь ее изображение на экране компьютера или смартфона; не живой человек, а его фотография; не факт действительности, как он есть, а его толкование лидерами медийных мнений. Стало важным не то, что произошло на самом деле, а лишь то, во что верят люди, прикованные к Интернету. А верить они научились шаблонным объяснениям оплаченных «авторитетов», не проверяя их, и не подвергая критическому анализу. Каждый пользователь получил возможность видеть мир только так, как это принято в его интернет-содружестве, не пытаясь даже увидеть и услышать альтернативные точки зрения. Естественно, что в такой среде манипуляция общественным мнением становится простой и удобной для тех, кто в этом заинтересован. Правда становится категорией весьма относительной и крайне субъективной, полностью утрачивая свою универсальность. Виртуальная реальность окончательно победила во всем цивилизованном мире!

Я не хотел бы, чтобы меня воспринимали в качестве яростного противника компьютерных технологий и Интернета. Я лишь противник манипуляторных технологий управления человеческим сознанием на компьютерной основе. Я помню, что наш мир изначально был создан дихотомичным, а одним из основных законов его развития является закон единства

и борьбы противоположностей. Поэтому, как в других сферах, так и в Интернете есть и позитивные, и негативные аспекты. С точки зрения обмена информацией никто ничего лучше Интернета пока не придумал. Но когда фактологическая составляющая информации намеренно искажается в угоду чьих-то коммерческих или политических интересов, я не могу считать это положительным явлением. Когда люди, изначально созданные по образу и подобию Божию, становятся приложением к компьютеру, своеобразными биороботами, я не могу этому радоваться. В конечном счете, Интернет – это лишь инструмент. Он не может быть плохим или хорошим априори. Важно лишь то, как этот инструмент использовать. Так, например, с помощью топора можно нарубить дров и согреть дом, а можно и проломить голову старухе-процентщице.

С другой стороны, та же последняя четверть уходящего двадцатого века ознаменовалась всплеском духовного искательства, попытками мыслящей части человечества переосмыслить духовный опыт предков, переформатировать на современный манер древние эзотерические знания, и даже создать новые эзотерические концепции, позволяющие раскрыть нереализованную потенцию такого сложного изделия, как человек.

Таким образом, пока меньшая часть человечества была озабочена поисками новой духовной перспективы, большей части человечества была преподнесена готовая, красочная и многообразная виртуальная реальность, как заменитель и суррогат духовных поисков. Виртуальную реальность, в отличие от духовной, искать не сложно, более того, ее частично можно создать и самому в зависимости от персональных запросов. Ее очень просто найти и потребить в готовом виде. Как таблетку, как конфету, как игрушку!

Разумеется, духовная реальность никуда не исчезла. Но она выпала из поля зрения основной массы человечества. В противоборстве духовной и виртуальной реальности на данном этапе победу одерживает последняя! Вряд ли так будет всегда, но пока это так!

Почему же эта «победа» стала возможной в рамках всего человечества, объединенного всемирной паутиной Интернета? И что же является характерным для этого «объединенного» человечества?! Самый поверхностный анализ позволяет сформировать следующие, наиболее общие, болезни человечества:

- стремление к безграничной территориальной, социальной и идеологической экспансии;
- нетерпимость к чужому мнению;
- отрицание опыта предыдущих поколений;
- максимализм суждений и жестокость принимаемых решений;
- общая агрессивность на фоне сексуальной озабоченности;
- развитие когнитивной деятельности, за счет угнетения эмоционально-чувственной сферы;
- почти параноидальная самоуверенность.

К результатам такого анализа можно отнести по-разному. Можно, «посыпая голову пеплом», погрузиться в уныние, предавшись эсхатологическим ожиданиям «конца света» Примеров такой практики предостаточно в истории последних десятилетий двадцатого века.

Но можно взглянуть на ситуацию иначе. Были ведь указанные болезнетворные симптомы известны ранее? Безусловно, да! Достижения современной психологии с уверенностью позволяют судить о том, что такое состояние человеческой психики соответствует, так называемому, подростковому кризису. Когда подросток, будучи биологически в состоянии продолжить род, во всех остальных отношениях остается лишь нереализованной потенцией. Он отталкивает своих родителей и учителей, но, испытывая страх перед самостоятельной жизнью, подсознательно тяготеет к объединению с себе подобными, т.е. с такими же подростками.

Вызывает ли такой кризис опасение у родителей? Да, конечно. Пребывают ли они в уверенности, что подросток сможет преодолеть этот кризис автоматически, без ущерба для его

развития? Конечно, нет. Но опускают ли они руки, пуская процесс на самотек? Нет, нет и еще раз – нет!

Культурная традиция предыдущих поколений, подкреплённая соответствующими социальными стимулами, непреложно повелевает продолжить воспитание ребенка, помочь ему преодолеть подростковый кризис и перейти к новому этапу развития.

Теперь от проблем отдельного человека перейдем к проблемам человечества, как целого. Ряд научных данных позволяют сделать вывод, что человечество в своем развитии прошло два важнейших этапа.

На первом этапе оно сформировалось как обособленный биологический вид, живущий в естественных природных условиях. На этом этапе человека можно рассматривать как высшую форму антропоидов (человекообразных обезьян), как существо, неотделимое от природной среды, использующее ее в несколько более сложных формах, но, по сути, на тех же принципах, что и остальной животный мир (охота, собирательство, примитивное рыболовство). Движущие мотивы поведения человека в этот период ограничивались воздействием исключительно биологических (или, как говорит Д. Узнадзе, «витальных») потребностей: продолжение рода, еда, питье, дыхание, защита от естественных врагов.

Однако, примерно 40—45 тысяч лет назад человечество переживает в своем развитии качественный скачок и окончательно выделяется из природы как высшая форма живых существ на Земле. От растворенного в природе биологического бытия человек переходит к созданию собственной среды обитания. Эта среда обитания есть среда социальная, или, иными словами, человеческая цивилизация.

Живая природа, выделевшись из неживой, переходит к ее использованию, не растворяясь в ней, но используя и трансформируя добытую в ней энергию. Так и человечество, выделевшись из животного царства, доминирует над ним и неживой природой, используя и трансформируя добытую там энергию не только для поддержания своего существования, как это было ранее, но и для создания и развития собственной среды обитания.

И в этом контексте человечество следует рассматривать, как вид высших живых существ, еще не окончивший свое развитие, не исчерпавший свою потенцию. Человечество, как целое, на данном этапе своего развития суть подросток, страдающий в сущности теми же комплексами переходного периода, что и отдельно взятый индивид. И, как всякий подросток, оно нуждается в обучении и, если можно так сказать, воспитании.

Этой цели всегда служили философские, мировоззренческие и этические учения, принимавшие часто форму духовных традиций, а в ряде случаев, мировых религий и явленные человечеству через наиболее выдающихся его представителей, именуемых обычно «духовными учителями».

Почему возникает речь о духовности? Обратимся к современному «Философскому энциклопедическому словарю» (под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Коралева и В. А. Лутченко). Как там определяется такая категория как «дух» и какое отношение она имеет к человеку?

«ДУХ – перевод встречающихся в античной философии и Библии слов *spiritus* (лат.) и *пнеума* (греч.). Это означает: движущийся воздух; дуновение; дыхание как носитель жизни; душа как сущность, которая может временно или навсегда покинуть тело; сама жизнь (Гете – «...ибо жизнь – это любовь, а жизнь жизни – дух...»); сущность Бога; сама внутренняя сущность земли или мира; всеобщий характер чего-либо.

ДУХ выступает в трех формах бытия: как дух отдельного индивида (личный дух), как общий дух (объективный дух) и как объективированный дух (совокупность завершенных творений духа)...

...Личный дух становится самим собой благодаря вращению индивида в область объективного духа, в духовную сферу, культуру, которую он находит и которую может (частично) усвоить с помощью воспитания и образования. Это вращение есть его становление человеком,

поскольку под человеком понимается живое существо, отличающееся своей духовностью, т. е. своим свободным существованием и своей внутренней способностью смотреть на события и вещи как бы со стороны, в противоположность другим живым существам, над которыми господствуют непосредственные побуждения».

Итак, подчеркнем несколько принципиальных моментов, вытекающих из данного определения:

- Дух есть универсальная сущность мира и, следовательно, его бытие тотально, т. е. абсолютно;
- Бытие духа явлено человеку в трех формах: объективированный дух, объективный (общий) дух и личный дух;
- Личный дух есть сущность человека, в силу чего лишь существо, обретшее бытие своего личного духа в полной мере может именоваться Человеком;
- Обрести бытие личного духа можно через бытие объективного (общего) духа, носителем которого является определенное сообщество, следующее определенной духовной культуре или, иначе говоря, духовной традиции (учению, религии и т. п.);
- Обретение бытия личного духа есть процесс индивидуального обучения и воспитания через бытие объективного духа и, как можно предположить, с опорой на бытие духа объективированного.

Таким образом, возвращаясь к нашим рассуждениям, правомерно выдвинуть гипотезу, что обретение бытия личного духа есть генеральная линия эволюционного развития человечества. Но эта задача не может быть решена вне сферы бытия объективного (общего) духа, что предполагает наличие духовной культуры в ее различных формах. А что лежит в основе всякой духовной культуры? Очевидно, бытие объективированного духа, понимаемого как завершенное творение абсолютного духа, т. е. его манифестация.

На первый взгляд может показаться, что для решения такой задачи необходимо и достаточно опереться на любой единичный факт манифестации духа, создав на этой основе единую духовную культуру, служащую реализации единой духовной перспективы человечества. Но на практике сделать это оказывается невозможным. Почему же?

Бытие духа, как такового, тотально и абсолютно, но его манифестация всегда относительна. Это обусловлено, с одной стороны, многообразием форм возможных манифестаций, вытекающих из бесконечности аспектов абсолютного духа как внеформенной категории. С другой стороны, относительность манифестации духа обусловлена относительностью способности человека к восприятию. Даже если предположить, что дух всегда манифестирует себя тотально, абсолютно, то, все равно, человеческое сознание окажется неспособным воспринять эту манифестацию адекватно абсолютно. Оно воспримет манифестацию относительно – в границах собственных способностей к восприятию. Иными словами, манифестация духа для одного человека может стать Откровением, а для другого – остаться незамеченной. Человек, переживший Откровение, может стать основоположником нового, ранее неизвестного, духовного учения, может найти людей, доверяющих его духовному опыту, и, таким образом, заложить основы новой формы бытия объективного духа. Но при этом вероятность того, что все люди без исключения уверуют в данное учение – ничтожно мала. И, следовательно, мы вынуждены признать целесообразность, более того, необходимость одновременного существования многих учений, традиций и религий. А поскольку вся земная цивилизация, в известном смысле, может быть рассмотрена как непрерывный, видоизменяющийся процесс объективации бытия духа, то мы с необходимостью приходим к выводу о неизбежности смены форм существования духовных культур не только в пространстве, но и во времени.

Вряд ли можно усомниться в той роли, которую духовные традиции и религии сыграли и играют в истории человечества. Усомниться в этом означает отрицать очевидное. Ведь даже катастрофа 11 сентября 2001 г. внешне имеет религиозную подоплеку.

Действительно, начиная с первых шагов человека, как уже неприродного существа, во все времена возникали и развивались (локально или глобально) разнообразные духовные учения. Нам не важно сейчас однозначно определить источник их появления (например: ноосфера по Вернадскому, Вселенский Разум, Бог, Абсолют, учителя с Ориона и т.п.) Важно отметить, что оставившие след в истории человечества духовные учения едины в части обращенности к духовным иерархиям и духовной перспективе человечества. Но их философская, воспитательная направленность всегда соответствовала наиболее насущной проблематике в развитии человечества, а также учитывала языковые и культурные различия в человеческом сообществе. Иными словами, духовные учения всегда были адекватны данной местности, данному человеческому сообществу и данному времени.

В самом деле, множественность Богов и откровенно империалистский характер архаичных религий вполне соответствовали периоду, когда наиболее важным было умение использовать естественные силы природы, а также формирование прочной, структурированной, масштабной социальной системы, преодолевающей родовую и племенную раздробленность. Можно сказать, что еще не имеющий социальной опоры, индивид, имел возможность преодолеть свой страх перед силами природы, опираясь на духовную поддержку множества функциональных (антропоморфных) богов, а их стройная иерархия, возглавляемая, обычно, верховным божеством, способствовала формированию в общественном сознании аналогичных проекций на строительство и укрепление социума, как специфической среды обитания человека. Так от осознания «Я» персонифицированного (как первого шага из царства животных), через «Мы – божественное», формировалась мировая тенденция укрепления «Мы – социального». И без такого водительства достаточно быстрое (в исторических масштабах) создание человеческой цивилизации вряд ли было бы возможным.

Сильная государственная власть, как основа социальной структуры, в историческом масштабе явилась конструктивной основой человеческой цивилизации. Человек все более терял свое персонифицированное самосознание во имя развития и укрепления собственной среды обитания – социума. Его проявленность все более оказывается детерминированной процессами социального заказа, социального наследования и социального давления. И, таким образом, человек, в формах своего поведения, в формах взаимодействия с социальной средой и природой все более выступает как представитель некоторого социального Мы. Иными словами, развитое бытие объективного духа, как историческая, и, так сказать, эволюционная необходимость, не только не становится стимулом, но, более того, уже начинает тормозить процесс обретения бытия личного духа.

В соответствии с этим меняется направленность духовного водительства человечества. Духовные учения становятся монотеистическими, пантеон функциональных богов сменяется единобожием. А чтобы стимулировать в общественном сознании устремленность к обретению бытия личного духа, в духовных учениях подчеркивается теоморфность человека, т.е. его богоподобие. И, таким образом, в своем сокровенном, эзотерическом смысле, независимо от экзотерической мифологемы, монотеистические учения, традиции и религии призваны инициировать в человеке поиски себя, как воплощенной части Бога. Иными словами, оттолкнувшись от «Мы – социального» (включая и социально-психологический мир данного учения), через устремленность к единому Богу, человек может осознать и обрести свое персонифицированное Божественное Я. Это и есть путь личного «спасения», путь раскрытия и обретения бытия личного духа.

Разумеется, рассматривая процесс становления и смены духовных учений, мы сталкиваемся с необходимостью нахождения ответов на два насущных вопроса:

- во-первых, каковы предпосылки и пути становления нового духовного учения;
- во-вторых, как проявляется и разрешается противоречие между экзотерической формой и эзотерическим содержанием.

Очевидно, что важнейшей предпосылкой появления новых духовных учений является ситуация, когда уже известные духовные учения утрачивают свою внутреннюю динамику и вырождаются в формализованный набор теоретических догматов и практических ритуалов, теряя тем самым свою актуальность и привлекательность для человечества. Почему это происходит?

Гипотетически можно представить, например, следующий цикл развития учения: от стадии зарождения и до стадии консервации.

Исходная посылка всякого учения суть манифестация Духа. Она становится явленной через человека, который в силу ряда субъективных и объективных причин оказывается наиболее подготовленным воспринять соответствующий духовный импульс и пережить данную манифестацию Духа особенно глубоко – как Откровение.

Этот человек становится, своего рода, Проводником, призванным трансформировать персонифицированный духовный опыт в сокровенное духовное Знание, которое в той или иной форме может быть доступно другим людям.

Это сокровенное духовное Знание составляет первооснову зарождающегося учения, становление и развитие которого суть взаимодополняющие процессы постижения Знания человеком и преображения человека. Указанный процесс поддерживается и разворачивается Проводником индивидуально, а затем в содружестве с группой последователей, доверяющих его духовному опыту. Для своих последователей Проводник учения выступает как Мастер или Учитель.

Принципиально не важно, содержит ли зарождающееся учение абсолютно новое Знание или является возрождением ранее известных, но утраченных Знаний. Но крайне важно, чтобы учение давало ответы на актуальные вопросы развития данного сообщества людей, используя язык, символику и технологии общедоступного характера. Ибо только тогда учение, зародившись, имеет возможности для развития, условно говоря, как «по вертикали» – углубляя и уточняя духовные Знания и духовную практику, так и «по горизонтали» – охватывая и вовлекая в духовную практику все большее число людей, обогащаясь их субъективным опытом и постижением.

Разумеется, на стадии зарождения и становления духовное учение предельно динамично и чуждо всяким консервативным форм, за исключением отдельных, наиболее существенных для данного учения положений и практик, составляющих своеобразный канон. Однако, число таких канонизированных форм на рассматриваемом нами этапе чрезвычайно мало. И в этом контексте, динамика эзотерического содержания учения дополняется динамичностью форм его экзотерической проявленности. В частности, это обусловлено разнообразием форм восприятия и, соответственно, изложения учения последователями Мастера, в условиях, когда форма восприятия самого Мастера лишь минимально канонизирована.

Дальнейшее развитие духовного учения, как результат духовной практики самого Мастера, а также его ближайших учеников и последователей, приводит:

- к росту числа сторонников данного учения, которые образуют его социально-психологический мир, т. е. формируют сферу бытия объективного (общего) духа;
- к появлению канонических текстов, книг, картин, архитектурных сооружений и других произведений искусства, т. е. всего того, что формирует сферу бытия объективированного духа;
- к созданию социально-адаптированных структур, обеспечивающих пропаганду в социуме идей данного учения, как пути обретения бытия личного духа.

Накопление количественных изменений влечет изменения качественного характера. Экзотерический аспект учения становится все более формализованным. Учение, передаваемое

из поколения в поколение, воспринимается уже как духовная традиция¹. И традиция начинает все более нуждаться в организации формально отграниченного социального и культурного пространства, в отличие от формально отграниченных пространств других учений и традиций. Ибо традиция на этом этапе становится явленной социуму, а все явленное не может не быть отграниченным.

Процесс становления консервативной экзотерической формы, однако, еще не накладывает ограничений на динамику эзотерического содержания, которое на данном этапе еще продолжает свое развитие, проявляя все новые аспекты картины и описания мира, предлагаемых данной традицией.

Этот этап развития духовной традиции можно считать наиболее плодотворным, когда развитая экзотерическая форма функционирует как эффективный входной фильтр традиции, обеспечивая приток все новых соискателей личного духа, а эзотерическое содержание сохраняет свою динамику, актуальность и привлекательность.

На этом же этапе начинается расслоение в социально-психологическом мире традиции. Так называемый, внутренний «круг» учеников и последователей Мастера отделяется от «внешнего двора». Первые становятся хранителями и проповедниками эзотерического Знания; вторые же, в силу особенностей своего восприятия и личностных характеристик, все более отказываются от эзотерического Знания, как такового, и удовлетворяются экзотерическими формами его проявленности, выраженными в канонизированных текстах и ритуалах. *Так, постепенно, экзотерический аспект традиции начинает отрицать ее эзотерический аспект, и наоборот. И этот процесс закономерен, ибо эзотерическое содержание всякой традиции устремлено к абсолютности и, в этом плане, чуждо формальным ограничениям, в том числе и отмежевания от других традиций. Вместе с тем, экзотерическая форма всегда относительна и нуждается в четких формальных границах, не нуждаясь de facto в признании самой возможности отсутствия границ и, тем более, возможности и правомерности других традиций. В противном случае форма превратиться в свою противоположность, т. е. в бесформенное, а, значит, не явленное.*

Дальнейшее накопление количественных изменений в сфере социальной, т. е. экзотерической проявленности духовной традиции приводит к очередному качественному изменению: духовная традиция окончательно формализуется в религию. Религия есть конечный результат признания духовной традиции со стороны социума. Она, следовательно, нуждается в таких формах своего проявления, которые отличают ее от любых других религий уже на уровне внешнего социального опознавания. Архитектура, литература, форма одежды, обряды и ритуалы – все это составляет канонизированные формы представительства данной религии внутри социума. Как и принято в социуме, эти формы должны быть стабильными, предсказуемыми и легко опознаваемыми. Этому же способствует иерархия религиозных служителей, а также ее включение в социальную иерархию. Так религия становится социальным институтом. И, как социальный институт, отграниченный и консервативный, религия не может не сдерживать развитие своего динамичного эзотерического аспекта, порождением которого она сама, по сути, и является. Более того, религия, как таковая, в эзотерическом Знании не нуждается, ибо для широкого представительства в социуме необходим и достаточен определенный миф, простой и понятный большинству современников. Поскольку стоявший у истоков Проводник данного учения и его ближайшие сподвижники к этому этапу уже ушли из жизни, их слова и действия канонизируются, мифологизируются и превращаются в застывшую догму.

Некоторое время эзотерический аспект религии еще может существовать, но только до тех пор, пока он не покушается на консервативную экзотерическую форму, на догматы

¹ ТРАДИЦИЯ – (от лат. Traditio – передача) – передача духовных ценностей от поколения к поколению; на традиции основана культурная жизнь [Философский энциклопедический словарь].

и ритуалы. И, таким образом, религия как социальный институт приходит к само-консервации, т. е. к самоотрицанию. Эзотерическое Знание, как таковое, от этого, естественно, не погибает, но оказывается вынужденным искать новые формы своего проявления, вне рамок, очерченных религией, где оно воспринимается уже как ересь и подвергается ostracism и преследованию. Фритьоф Шоун по этому поводу пишет: «Если экзотерическая точка зрения больше не обновляется, благодаря ей присущему эзотеризму, которому она одновременно служит наружным сиянием и покровом, то в конечном итоге она фактически обречена прийти к отрицанию самой себя. Таким образом, религия неизбежно порождает неверие, настолько, насколько она отрицает метафизические и инициационные реальности, кристаллизуясь в буквальный догматизм; атрофия, охватывающая догмы, лишённые своего внутреннего содержания, внешне наносит удар им самим в форме еретических и атеистических отрицаний.» [1]

Таким образом, манифестация Духа, воспринятая как Откровение и духовный импульс, может разворачиваться в реальности, проходя три этапа: учение, традиция, религия. Иными словами: от **рождения** из Откровения в виде эзотерического Знания, через **развитие** в единстве эзотерической перспективы и ее экзотерической проявленности, до **стагнации и самоотрицания** самодовлеющей экзотерической формы.

Но, поскольку эзотерическое Знание может быть социально проявленным в большей или меньшей степени, но никогда не прекращает своего развития, постольку последовательно (в исторической ретроспективе) возникшие религии, при всем антагонизме их экзотерической формы, могут иметь родственное эзотерическое содержание.

Это особенно заметно на примере трех мировых монотеистических религий семитского происхождения: иудаизма, христианства и мусульманства. Даже мифология, применяемая этими тремя религиями, в сущности одна и та же и опирается на Ветхий Завет. С определенными дополнениями и акцентуациями все три религии используют те же метафизические символы и соотношения: сотворение мира и человека, грехопадение Адама и изгнание человека из рая, откровения Авраама и Моисея, страдания людей из-за невежества и т. п.

Как известно, иудаизм – Закон Моисея – рассматривает человека как существо заведомо греховное и мятежное, стремящееся нарушить Закон. Поэтому, в известном смысле, вектор воздействия религии иудаизма на человечество суть утверждение внешних границ Божественного Закона и установление правил законопослушания, как путь нейтрализации моральных последствий грехопадения (ибо моральные последствия грехопадения интересуют иудаизм больше, нежели сам факт грехопадения) и, соответственно, как путь познания Бога и «спасения». Иными словами, иудаизм большее внимание уделяет праведному внешнему действию, что обуславливает наличие множества сложных внешних предписаний, подлежащих буквальному исполнению верующими.

Внутренний, эзотерический импульс иудаизма, по мере консервации его экзотерических социальных форм, в исторической ретроспективе продолжает свое существование в хасидизме, а, впоследствии, находит свое воплощение в христианстве.

Христианство также начинается с грехопадения одного единственного человека – Адама, из чего предполагает, что человеческая форма существования уже есть падение. В этом смысле, как это не покажется странным, христианство оказывается сродни буддизму, который изначально рассматривает человеческую жизнь как страдание. Но если иудаизм обращен к последствиям грехопадения, то христианство стремиться к устранению его причины. Квинт-эссенция христианского пути спасения есть любовь и жертва. Причем, как следует из контекста канонических Евангелий, внутренняя духовная работа ставится выше, чем внешние «труды» (т. е. ритуалы), на что прямо указывают слова Иисуса: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их». [Евангелие от Матфея, гл. 23, стих 25—26]

В концепции теоморфности человека христианство идет дальше иудаизма, провозглашая Иисуса сыном Божиим, рожденным от земной Девы Марии путем непорочного зачатия от Духа Святого. Таким образом, поскольку зачатый от Духа Святого Иисус суть сын Божий и богочеловек, постольку он есть символ духовной перспективы человечества: через любовь и единение с Духом – к богочеловеческому бытию.

Этот эзотерический аспект христианства, однако, полностью отсутствует в его экзотерической проявленности. Ибо христианская церковь, во всех известных ее формах, перспективу спасения индивидуума выносит за рамки его земной жизни, которая рассматривается лишь как возможность заслужить «прощение» после физической смерти.

По мере завоевания христианством Европы и становления его как социального института, где власть церковных иерархов часто перевешивала власть светскую, эзотерический импульс вытесняется в некоторые монашеские ордена (например, Орден Мальтийских рыцарей, Орден тамплиеров) и движение христиан-гностиков.

В то же время новой формой проявленности духовного импульса Моисея становится третья семитская религия – ислам.

Ислам не считает Адама греховным, но действия его полагает присущими человеческой природе, как таковой. Ислам провозглашает Адама пророком (а пророки свободны от грехопадения) и начинает, по сути, не с падения, а с Откровения Адама: «И получил Адам от своего Господа слова, и Господь повернулся к нему» [Коран, surat – baqarah, 35].

Ислам изначально полагает, что человеческая природа отличается от Божественной. И потому к деяниям человека нельзя применять Божественные критерии. Не тому ли учит и христианство, провозглашая устами Иисуса: «...И так отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу»? [Евангелие от Матфея, гл. 22, 21]

Однако, разделяя Бога и человека, ислам и соединяет их, пытаясь осуществить высшую трансценденцию в установке, что Бог присутствует во всем, и ничто не существует вне Его и вне зависимости от Него. Таким образом, Бог един и абсолютен, а земное существование человека всегда относительно и ограничено. Поэтому с помощью своего разума человек должен осознать наличие Единого, наличие Абсолюта и всеобщую зависимость от него, а проявлением воли обеспечить осознанное подчинение себя величию Бога, или, иначе, Абсолюта (el-islam), как единственно возможный путь личного спасения. Согласно исламу, в Боге человек обретает уверенность, а в осознании бренности и зависимости всего сущего от высшего начала – свое душевное равновесие. В соответствии с этим ислам зиждется на двух формальных утверждениях, выраженных фразой: «La ilaha illa Llah va Muhammadun rasulu Llah». То есть: «Нет Божества (или реальности, или Абсолюта) помимо единственного Божества (или реальности, или Абсолюта), а Мухаммад – Посланник (глашатай, посредник, проявление, символ) Божества». Здесь Божество выступает как причина существования мира, а человек и мир – как закономерное следствие проявления Божества в ограниченных условиях земного, человеческого восприятия. Путь же личного спасения лежит через веру и непривязанность к земному существованию.

Как видно из изложенного, все три монотеистические религии сохраняют преемственность, в сущности, единого принципа осуществления духовной перспективы человечества: человек обязан осознать свою духовную природу и через это тотальное осознание (переживание) соединиться с Богом. Иное дело, что каждая из религий предлагает свой путь одухотворения человека:

- иудаизм устанавливает многочисленные формальные правила жизни, выполнение которых требует постоянной осознанности и духовной устремленности;

- христианство призывает к внутренней концентрации и соединению с Духом святым через искупительную, жертвенную любовь ко всему сущему, как проявлению Божества;

– ислам в качестве сверхценностей провозглашает осознанную веру в единого Бога и волю к подчинению своей жизни Божественным установлениям, в том числе через следование законам социальной жизни, изложенным в «Шариате».

Иными словами, три упомянутых пути «спасения» суть Абсолютная форма, Абсолютная любовь и Абсолютная вера. Но с другой стороны:

– соблюдение Абсолютной формы невозможно без веры, а вера не отрицает наличие любви;

– Абсолютная любовь не отрицает веру и форму, но придает им другую наполненность;

– Абсолютная вера не покушается на форму и не отрицает любви ко всему сущему, хотя и ставит послушание выше сентиментальных переживаний.

Все три религии уже давно представлены в человеческом сообществе. Прошли времена их интенсивного развития. Они окончательно формализовались и законсервировались. В настоящее время, продолжая войну друг против друга и претендуя на истину в последней инстанции, все три упомянутых религии переживают период стагнации. Численность «паствы» уже давно имеет устойчивую тенденцию к сокращению. Примерно то же самое можно сказать об индуизме и буддизме.

Духовное же здоровье человечества, увы, оставляет желать много лучшего. Старые религии, со своими закостенелыми догмами и устаревшими мифологемами, остаются более символами возможности духовного пути развития человечества, чем самими путями. Человеческая цивилизация и мир в целом стали слишком динамичными и процессуальными, чтобы не вступать в противоречие с консервативной религиозной формой. В то же время сугубо социальная перспектива также исчерпала себя. И становится все более очевидным, что безграничная погоня за накоплением материальных благ, даже если распространить этот процесс равномерно по континентам и странам, лишь загрязняет среду обитания и ставит под угрозу гибели всю земную цивилизацию. Духовное и душевное бытие человека от этого богаче не становится. Обращенное вовне внимание человечества лишь увеличивает страх перед непознанностью собственной природы и невозможностью разрешения закоренелых социальных конфликтов исключительно внешними воздействиями. Назрела необходимость нового духовного учения. Об этом громогласно заявил еще Фридрих Ницше, когда устами Заратустры воскликнул: «Бог умер!».

Эта потребность осознавалась многими философами, религиозными мыслителями и мистиками уже начиная со второй половины 19-го века. И попытки создать такое учение предпринимались неоднократно. Елена Блаватская, Николай Рерих, Рудольф Штайнер, Свами Вивекананда, Рамана Махарши и многие другие – их имена известны, их тексты издаются и переиздаются... Но ни одно из духовных учений последнего столетия, к сожалению, не имело масштабного воздействия на судьбы человечества. И, стало быть, проблема остается актуальной.

Правомерен вопрос: откуда может прийти новый духовный импульс?

Можно с большой долей вероятности предположить, что эзотерическое Знание, ранее явленное в форме трех мировых монотеистических религий, по-прежнему живо. И тогда, продолжая отмеченную нами преемственность, его следует искать в духовной среде, отделившейся от ислама как последней (по времени) религии. В таком случае мы можем с уверенностью сказать, что эзотерическое Знание хранится в суфийских орденах, а, значит, и новое духовное учение, с большой вероятностью, может прийти из суфийских орденов.

Предпринимались ли такие попытки? Да, конечно! Достаточно вспомнить Георгия Гурджиева и Бхагван шри Раджниша. Их учения известны. Их последователи есть во многих странах, но не дано им было стать новой мировой религией.

Существует уже и третья попытка создания нового духовного учения на основе древнего знания суфийских орденов. И эта попытка тем более важна, что Проводник этого учения,

в отличие от Гурджиева и Раджниша, жив. Это очень важный аспект, что подтверждается словами самого Раджниша. Однажды ученики спросили его: «Мастер, что нам делать, когда ты уйдешь из жизни?» Раджниш ответил: «Ищите живого Мастера».

Мне повезло: я не только познакомился с живым Мастером, но имел удовольствие обучаться под его руководством в течение 10 лет. И потому в этой книге хотел бы обратиться к учению академика МАИСУ, «самого известного представителя российской саньясы», «крутого мистика», известного под именем Игоря Николаевича Калинаускаса, или, иначе, как суфийский шейх Абу Силг. Я отдаю себе отчет в том, что это учение, в его сегодняшней форме, не претендует на роль мировой духовной доктрины. Да, собственно говоря, Мастер и не ставит перед собой такой задачи. По крайней мере, так мне кажется. Однако, для тех, кому роль бесплатного приложения к компьютеру перестала быть интересной, это учение представляет собой сокровищницу уникальных, практически применимых знаний, которые в состоянии помочь человеку найти Путь к себе и Вере. Об этом моя книга.

2. Попытка увидеть целое

В 80-е годы двадцатого столетия, годы стремительного заката и последующего развала империи со странным названием СССР, в среде интеллигенции все более открыто проявляются тенденции духовного искательства. Комитет госбезопасности еще пытается изловить строптивых «отщепенцев», отказывающихся исповедовать полумистическую идеологию коммунизма; еще пытается возглавить и удушить в зародыше формирование российской саньясы, превратив ее представителей в создателей психологического оружия. Но становится очевидным, что монопольное право КГБ на эзотерические знания и практики все более трансформируется из действительности в достояние истории.

В конце 80-х годов на территории тогда еще единого государства – в Ташкенте, Вильнюсе, затем Киеве, Санкт-Петербурге, Одессе, Кишиневе и других городах, – среди прочих начинают появляться и группы людей, которых полушутливо именуют «цветочники». Это наименование они получают по названию психо-энергетической практики – «Огненный цветок». Так начинает формироваться сфера бытия объективного (общего) Духа, т. е. социально-психологический мир учения, Проводником которого выступил И. Н. Калинаускас.

С начала 90-х годов начинает проявляться и сфера бытия Духа объективированного:

- в апреле 1993 г. начинает свою деятельность вокальный дуэт «ЗИКР» в бессменном составе Ольги Ткаченко и Игоря Силина (сценический псевдоним И. Н. Калинаускаса);

- в 1994 г. выходит из печати полный сборник бесед Мастера со своими учениками – книга в знаменитом черном переплете под общим названием «Жить надо», которая к настоящему времени является уже библиографической редкостью;

- с 1996 г. выставляются и становятся все более заметным явлением в искусстве картины, написанные Мастером;

- в 2000—2001 гг. издаются книги серии «Тайна Мастера Игры», раскрывающие учение в самых разных аспектах.

А начало 2002 г. ознаменовалось окончанием этапа создания социально-психологического мира Учения, все более обретающего ясные черты духовной Традиции.

Таковы факты совсем недавней истории: примерно за 20 лет одна из манифестаций абсолютного Духа, ставшая Откровением для Проводника, впоследствии – Мастера, вполне проявила себя как один из вариантов духовной перспективы, пройдя путь от персонального духовного опыта до становления духовной Традиции. И произошло это не в стародавние времена, не в далеких землях Палестины, а рядом с нами – на постсоциалистическом пространстве Восточной Европы. Специфика происходящего заключается еще и в том, что учение И. Н. Калинаускаса есть современная форма передачи Знания, уходящего корнями в древнее Средиземноморье, к Гермесу-Трисмегисту. Иными словами, мы становимся свидетелями не формирования совершенно новой, ранее неизвестной духовной Традиции, но можем наблюдать манифестацию древнего духовного Знания в формах, доступных осознанию современного человека. Происходящее подтверждает сделанное нами ранее предположение, что духовный импульс, как движущая сила и носитель эзотерического Знания, может существовать длительное время, изменяя, однако, экзотерические формы своей проявленности в полном соответствии с суфийским принципом «место – время – люди – метод». В данном случае речь идет о духовной Традиции, возраст которой, как следует из достоверных источников, превышает 5300 лет; Традиции, неоднократно проявлявшейся в различные исторические периоды на территории, прежде всего, Западной Европы. Известно, например, что Сократ принадлежал к той же Традиции. Эта же Традиция лежала в основе, так называемого, Средиземноморского суфизма, как это излагает Идрис Шах в своей книге «Суфизм».

Но особенностью нового проявления древней Традиции является то, что Знания, ранее закрытые и передаваемые исключительно изустно от учителя к ученику, теперь впервые обретают плоть опубликованных текстов, открытых и доступных широкому кругу читателей. Эти тексты – свидетельские. Они свидетельствуют Знания Традиции, открытые и переданные людям через Мастера. Их дополняют многочисленные видео- и аудио-записи. Читать эти книги, слушать и видеть Мастера – занятие, безусловно, увлекательное и в высшей степени полезное. Особенно для тех, кто уже знаком со Знаниями Традиции хотя бы в общих чертах. Знание это громадно и многослойно. Оно открывается обучающемуся не вдруг, а постепенно, как бы поворачиваясь различными своими гранями, в зависимости от степени готовности к его восприятию.

Данная книга задумана мной как своеобразный «путеводитель» по учению Мастера Игры, где основные положения учения были бы изложены достаточно лаконично, как книга – приглашение познакомиться с Традицией поближе.

Что из этого получилось – судить вам, дорогой читатель. Но я заранее прошу извинения, если мои размышления покажутся вам несколько предвзятыми. Это естественно: ваш покорный слуга принадлежит к той же Традиции, о которой пишет. И было бы странно требовать от влюбленного непредвзятого отношения к своей возлюбленной. В свое «оправдание» спешу лишь сообщить, что весьма далек от мысли, будто это учение является единственно приемлемым для всех людей без исключения. Как было отмечено выше, всякое духовное учение есть лишь относительная манифестация абсолютной истины и потому не может претендовать на свою исключительность. Как говорит шейх Абу Силг: «Истина – одна, но положена на многих».

В этой главе мы попытаемся взглянуть на данное учение, как на целое, дать краткую характеристику его основных аспектов. И, таким образом, тот, кто обнаружит несоответствие идей учения собственной устремленности, сможет, прочитав эту главу, спокойно закрыть книгу, не читая дальнейшего.

Напротив, тем, кого заинтересует или, тем более, взволнует содержание этой главы, я рекомендовал бы дочитать эту книгу до конца, после чего начать углубленное, скрупулезное знакомство с текстами Мастера, а еще лучше – с самим Мастером и практикой Традиции.

Всякое духовное учение предназначено людям. Но люди не могут рассматриваться отдельно от их жизни, которая, в свою очередь осуществляется в Реальности и органически связана с Реальностью, от грубых ее материальных форм до, так называемых, тонких и «высших» миров. Учение обладает духовной ориентацией и поэтому его квинтэссенция суть предложение духовного пути, т.е. пути обретения личного духа, а, стало быть, и пути личного спасения.

Таким образом, чтобы увидеть духовное учение как целое, нужно найти в нем ответы на следующие вопросы:

- что есть человек;
- как характеризуется человеческая жизнь и, следовательно, события физического рождения и физической смерти;
- какое описание Реальности предлагается;
- в чем состоит путь личного спасения.

2.1. Este homo...

В самом общем виде Традиция определяет человека так: «Человек есть событие в Реальности».

Ключ к пониманию смысла этой фразы лежит в толковании слова «событие». С одной стороны, синонимом слова «событие» является слово «происшествие». В этом смысле жизнь человеческая выступает как нечто, весьма значимое даже на фоне громады Реальности. Причем, понятие человека не дифференцируется и не уточняется дополнительными, качественными характеристиками (хороший, белый, верующий и т.д.), т.е. всякий человек для Реальности значим.

С другой стороны, слово «событие» может быть истолковано как «со-бытие».

Следовательно, человек «со-бытийствует» с Реальностью, имеет с ней общее бытие. А, значит, человек неотделим от Реальности – он ее органическая и незаменимая часть, т.к. природа человека и Реальности одна и та же.

Продолжим наши размышления вопросом: какая первичная субстанция лежала в основе создания (или, если угодно, появления) человека? Традиция отвечает на этот вопрос вполне определенно: как событие в Реальности человек соткан из ткани чистого духа, т.е. первичная природа человека есть природа духовная (или Божественная).

Как несложно заметить, такая трактовка природы человека никак не противоречит Ветхому завету: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» [Ветхий Завет, Первая книга Моисеева, Бытие, гл.1, стих 26]. Аналогично описывается акт сотворения человека в иудаизме и мусульманстве.

И, таким образом, во всех четырех случаях трансценденция человека определяется теоморфностью его изначальной природы, т.е. его Бого-подобием. Причем, из всех живых существ, населяющих Землю, только человек создается непосредственно Богом. В появлении других живых существ, как можно предположить, немаловажную роль играет среда обитания. Так, стих 20, гл.1 книги «Бытие» говорит: «И сказал Бог; да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...» И далее стих 24 продолжает ту же мысль: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их». Сама же среда обитания, порождающая населяющих ее существ, создается Богом заблаговременно.

Не так обстоит дело с человеком. Даже в искусственных условиях райского парка, насаженного Богом на Земле (Ветхий завет говорит: «на Востоке»), человек не может существовать без биологического носителя – без тела, приспособленного к условиям материального мира. Но и биологическое тело человека также не было обойдено вниманием, исходящим непосредственно от Божества (от духовной природы): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [«Ветхий Завет, «Бытие», Гл.2, Стих 7].

Следовательно, человек, как персонифицированный чистый Дух, воплощается в биологическом носителе, приспособленном для такого воплощения отдельным актом творения. И потому **Традиция утверждает, что человек есть неприродное существо.** Разумеется, слово «природа» здесь употребляется не в значении субстанциональной сущности чего-либо, а как совокупность явлений и объектов, характерных для условий земного человеческого воплощения, т.е. в его «бытовом» смысле.

Специфика человека состоит в том, что персонифицированный (т.е. личный) Дух становится явленным и отграниченным возможностями и формой биологического носителя. Человек изначально формируется как особое существо, объединяющее в себе противоположные

начала мира: духовное и телесное, бесформенное и форму, вечное и временное, безграничное и ограниченное...

Многие мистики и философы-идеалисты именуют тело человеческое «тюрьмой духа». Но будем справедливы: человечество осваивало биологическую среду обитания в полном соответствии с Божественным установлением. По крайней мере, Ветхий завет говорит об этом прямо и непосредственно:

«И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, и все, что движется на земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу: как зелень травяную даю вам все» [«Ветхий Завет», «Бытие», Гл.9, стих 1—3]

У меня нет ни малейшего желания оспаривать тексты Ветхого Завета. Тем более, что такое наставление вполне логично, если местом воплощения духа выбрано тело, в его самой, что ни на есть, земной форме. Промежуточные, смешанные богочеловеческие формы почему-то Бога не устраивают. Обратимся вновь к Ветхому Завету: «Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. [«Ветхий Завет», «Бытие», гл.6, стих 1—2]. Выяснение вопроса, что это за «сыны Божии», о сотворении которых в предыдущих главах ничего не сказано, оставим для другой книги. Хотя можно предположить, что это и есть многочисленные функциональные Божества, служившие духовной опорой человечества как раз в эпоху освоения биологической среды обитания. Важно, что от богочеловеческих половых связей рождались исполины: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им. Это сильные, издревле славные люди» [«Ветхий Завет», «Бытие», гл.6, стих 4]. Но, если следовать букве Ветхого Завета, рождение исполинов было истолковано, как «великое развращение человека перед Богом», и, более того, явилось одной из важнейших причин организации всемирного потопа. Следовательно, именно земная, человеческая форма воплощенности наиболее отвечала задачам духовного водительства. И биологическая форма существования изначально выступает как самая плотная завеса, за которой скрывается субстанциональная сущность человека – Дух. Соответственно, для рожденного в Духе человека воплощение в теле может рассматриваться как предельное «нисхождение» в материю, необходимое, очевидно, как учебная задача. Не случайны слова: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» [«Ветхий Завет», Бытие, гл.6 стих3]. Однако, религиозные догматы христианства, иудаизма и исламства трактуют воплощение в теле не как учебную задачу, а как наказание человечества за первородный грех Адама. Мол, в зависимости от того, как вел себя «осужденный» на пребывание в теле человек, по истечению максимум 120 лет земной жизни, тайна его происхождения будет открыта ему. И тогда, на Божьем суде, праведник обретет духовное же бытие в царствии Небесном. В любом случае, согласно религиозным канонам, праведный человек обязан верить в свое духовное родство с Богом, но пережить его как факт сможет только после физической смерти, освобождающей от уз тела, так сказать, автоматически.

Сам факт распятия и физической смерти Иисуса, с его последующим воскресением, символизирует именно этот путь. И в этом аспекте Традиция принципиально расходится с названными мировыми религиями, предлагая путь личного спасения в рамках воплощенности, т.е. до факта физической смерти. Об этом мы будем говорить подробно несколько ниже. Но, важно, что биологический носитель не рассматривается Традицией как обуза, но как ипостась человека, совершенно необходимая в условиях земного существования. Более того: «великое счастье родиться в человеческом теле» Ибо крайне затруднительно воздействовать на материаль-

ный мир, преобразовывать и изменять его, не имея адекватной, материальной формы бытия. Неслучайно, все великие учителя человечества были воплощены в человеческом теле.

Таким образом, наиболее грубой, но необходимой формой воплощения личного Духа выступает тело человека. Оно подчиняется общим закономерностям земного существования, включая также законы энергообмена и «полевых» взаимодействий, т.е. не ограничивается только поверхностью кожи. Поэтому к тонким объемам, ограничивающим воплощенность, также применяется термин «тело»: эфирное, витальное, астральное, ментальное, каузальное и даже тело Бодхи.

Совокупность взаимодействий человека с Реальностью на базе биологического носителя (тела) учение Традиции определяет как «индивидуальность».

Опираясь исключительно на «индивидуальность», человек способен раствориться в естественно-природной среде, т.е. стать сложнейшим по устройству, но, все-таки, животным. Но на этом уровне воплощенности задача господства над биологической средой обитания не решается. Для этого нужно создать дополнительную, «над-природную» среду, откуда человек и может осуществлять заповеданные ему Богом функции владычества.

И, человек, как существо, несущее в себе духовное творческое начало, оказался в состоянии создать собственную среду обитания. Эта специфически человеческая среда обитания – суть социум. Социум создан людьми, предназначен исключительно для людей и упорядочен людьми в соответствии с ими же придуманными законами. В этом смысле можно сказать, что социум есть порождение коллективного сознания, опирающееся на коллективное сознание и, в свою очередь, воздействующее на формирование сознания человека – как индивидуального, так и коллективного.

О Божественном установлении по поводу создания социальной среды обитания Ветхий Завет ничего не сообщает прямо, но косвенно можно предположить, что это тоже не противоречит Божественному волеизъявлению, ибо многочисленные наставления, даваемые Богом героям Ветхого Завета, непосредственно регулируют межчеловеческие, т.е. социальные отношения. А воспринимать эти наставления человек способен лишь сознанием, которое выступает, таким образом, как вторая ипостась.

По отношению к отдельно взятому человеку социум – эта сугубо человеческая среда обитания – выступает как среда внешняя, так же, как и биологическая среда – ничуть не менее.

Таким образом, человеческий ребенок сразу попадает во внешнюю среду, упорядоченную предыдущими поколениями людей. От людей он рождается, люди его обучают, люди его воспитывают, через людей он только и может удовлетворить абсолютное большинство своих потребностей, в том числе и тех, которые связаны с использованием естественно—природной среды. В этом контексте Традиция справедливо утверждает, что **человек «сделан из людей».**

Как член социума, человек вступает в отношения с Реальностью, главным образом, на базе сознания. Этот вид отношений Традиция определяет как «личность». Это вторая, и, как будет показано ниже, весьма труднопреодолимая завеса, отдаляющая человека от его духовной природы.

Но неужели с момента воплощения в теле, в рамках социальной среды, человек полностью лишен контактов с породившим его Духом (можно назвать это также Богом, Абсолютом, Вселенским Разумом и т.д.)? Конечно, нет.

Но это взаимодействие очень тонкое, осуществляемое посредством энергоинформационного обмена, психо-энергетических контактов, что порождает в человеке чувства, эмоции и переживания. Следовательно, эмоционально-чувственная сфера человека суть основа его души и третья ипостась в земном воплощении. А указанный вид отношений с Реальностью есть жизнь души человеческой и мы будем именовать их в дальнейшем «сущностью».

Таким образом, земная воплощенность человека представлена тремя ипостасями: тело, сознание, душа. Через них человек актуально представлен в Реальности и вступает с ней в отношения трех видов: биологические (индивидуальность), социальные (личность) и духовные (сущность). Такую же градацию имеют и потребности человека, выступающие как побудительное начало всякой его деятельности.

Три ипостаси человеческой воплощенности на языке христианства символизирует знаменитая Троица «единосущная» и нераздельная: Бог-Отец, Бог-Сын и Дух Святой. Если переводить этот метафизический символ на современный язык, то правомерно предположить, что Бог-Отец – суть природа Земли, Бог-Сын – суть человеческая цивилизация, Дух Святой – суть изначальная субстанция того и другого.

Возможно потому: «Хула на Отца проститься, хула на Сына проститься, хула на Дух Святой не проститься во веки веков». Не проститься – ибо это покушение на первооснову всего.

Но воплощенный в человеке Дух есть Дух личный (персонифицированный), который составляет лишь малую толику Духа Святого вообще. Этот личный Дух есть чистый субъект, отличный от других субъектов не собственным качеством, а только качеством своей воплощенности, т.е. характерными особенностями всех трех ипостасей при единой первооснове.

Как справедливо говорил апостол Павел: «Дары различны, но Дух – один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех». [Новый Завет, Первое послание к коринфянам, Гл.12, стих 4—6]

В этом и состоит теоморфность, т. е. Богоподобие: не в смысле воплощенности и ее характеристик, а в смысле духовной первоосновы. Что можно сказать об этой первооснове? «Я есмь», «Я есть Дух», «Я есть Я», Я существую... Больше сказать нечего. Никакие качественные характеристики приписать Духу не удастся, т.к. сам Дух при этом исчезает, и мы автоматически переходим к характеристике его воплощенности. Даосы говорят: «Назовешь Дао – Дао исчезает».

Как тогда прикажете понимать призыв многих духовных традиций: «Познай сам себя»? Что, в самом деле, познавать, если «Я – это Я»?

Но, в то же время, каждый человек, произнося слово «Я», прекрасно отличает его от всего, что «не Я». В чем здесь дело? Давайте разберемся.

Итак, три ипостаси имеются у всех людей без исключения. Но каждая ипостась не только обладает индивидуальными характеристиками, но и опосредует определенного вида отношения с Реальностью. Эти отношения (биологические, социальные и духовные) также наличествуют у всех людей, но они различны: у каждого – свои. Отношения – это не предметы, не объекты, а некоторое пространство, находящееся между человеком, как таковым, и Реальностью. И пространство это, строго говоря, принадлежит как человеку, так и Реальности, в равных долях. Три ипостаси, стало быть, проявляются через три пространства трех видов отношений воплощенного Я с Реальностью. В этом смысле Традиция утверждает, что **человек представлен пространством своих отношений.**

Следовательно, «познать себя» означает увидеть (ощутить, осознать):

- во-первых, характеристики трех ипостасей, входящих в состав воплощенности;
- во-вторых, специфику пространства отношений с Реальностью, которые опосредованы данной воплощенностью.

И в таком процессе познания человек может обрести стабильное самосознание – свое Я. Почему? Воплощенность человека, т.е. три его ипостаси, обладают качественной определенностью, которая может быть познана. Пространство отношений воплощенности и Реальности также обладает качественной определенностью, которая может быть познана. Остается еще

тот, кто это познает и, так или иначе, осознает. Каков он? Представьте себе: глаз видит изображение, но нельзя одновременно видеть изображение и сам глаз, который видит (глаз, а не его отражение). Значит, познающий не может принадлежать ни воплощенности, ни пространству отношений по определению – в противном случае он их не увидит и не сможет осуществить акт познания. Познающий – некто находящийся вне объекта изучения. Если мы рассуждаем о познании себя, то этот некто и есть чистый субъект самопознания, или, как говорят, стабильное самосознание. Единственное качество, которое можно приписать самосознанию – это качество пустоты, качество прозрачности, качество «ноля». Это и есть истинное Я, о котором можно сказать лишь то, что оно «есть», что оно «существует».

Таким образом, методологически все представляется достаточно простым... Почему же так трудно достичь этого на практике?

Первая и основная трудность состоит в том, что «увидеть» собственные ипостаси, изучить их можно лишь растождествившись с ними. Так, невозможно, например, увидеть качество отделки фасада, находясь внутри здания: для этого необходимо выйти из него или, как минимум, использовать специальный инструментальный внешний наблюдения.

Между тем, человеку, в силу самого устройства, достаточно легко отождествить себя со своим телом, либо со своими социальными отношениями, либо с тем и другим совместно.

Во-первых, каждый вид отношений с Реальностью опирается на базовый инструмент, ассоциируемый с определенной частью именно биологического носителя. Так, базовый инструмент индивидуальности – тело. Базовый инструмент личности – сознание, деятельность которого ассоциируется с деятельностью головного мозга. Базовый инструмент сущности – эмоционально-чувственная сфера, ассоциируемая с человеческой психикой.

В этом контексте человеку легко отождествиться со своим биологическим носителем. Так, вся современная медицина, например, опирается именно на это отождествление.

Во-вторых, специфической средой обитания человека выступает социум и потому процесс удовлетворения практически всех видов его потребностей (в том числе и духовных) социализирован, т.е. облечен в форму социальных (межличностных) отношений. Поскольку жить и не удовлетворять свои потребности человек не может, а удовлетворяет он их, главным образом, через личность, постольку ему легко отождествить себя с личностью, в сферу функционирования которой вовлекается также индивидуальность, как материальный образ личности.

А что же, спросите вы, сущность? Безусловно, человек достаточно внимателен к своим чувствам и эмоциям, но легко относит их источник к ощущениям тела (индивидуальности), либо, чаще, к сфере межличностных контактов (личности).

Но человек, все же, говорит о себе «Я», т.е. имеет некоторое подтверждение себя, опирающееся на определенный механизм самоидентификации. Известно, в частности, что каждую тысячную долю секунды мозг человека тратит именно на самоидентификацию. Следовательно, если самосознание отсутствует, должен иметь место и некоторый, заменяющий его, психический комплекс. Таким комплексом выступает Я-концепция или, иначе говоря, самоотношение. Я-концепция не имеет никакого отношения к Святому Духу. Она, с одной стороны, опирается на психосоматические, функциональные системы самоидентификации биологического носителя, а, с другой стороны, синтезирует и отражает в сознании человека его образ с точки зрения окружающих людей, мнение которых для человека является субъективно значимым.

Соответственно, Я-концепция не есть человек, как таковой, но есть образ человека, его маска, определяемая, главным образом, воздействием внешней социальной среды. Но именно Я-концепция выступает ядром человеческой личности: как «заменитель», как «суррогат» истинного Я.

Таким образом, во внешней среде обитания человек проявляет себя не как чистая воплощенность, а как продукт взаимодействия последней с внешней средой, т.е. с объективной Реальностью.

Соответственно, человек, рассматриваемый как объект (человек действующий), описывается характеристиками индивидуальности, личности и сущности, которые в совокупности мы будем именовать Персоной. Персона же обладает механизмом идентификации самой себя как объекта, а механизм этот основан на Я-концепции, отличающейся значительно от истинного, духовного Я.

Так продукт взаимодействия воплощенности с внешней средой обитания оказывается отделенным от источника воплощения и ведет практически автономное существование, опираясь исключительно на физиологические, психологические и психосоматические механизмы биологического носителя, управляемого воздействиями внешней среды обитания. Потому Г. И. Гурджиев говорил, что человек в обыденном смысле этого слова, человек, не обретший свое духовное Я, есть существо механистическое, вызывающее «мастера-ремонтника» лишь тогда, когда «машинка ломается».

Чтобы перестать быть «машинкой», нужно восстановить связь между источником воплощения и воплощенностью, нужно сделать воплощенность «инструментом» личного Духа. Это и означает «познать самого себя» и достичь своей целостности. Однако, освоить некоторый инструмент означает, прежде всего, изучить инструкцию по его эксплуатации. Только мастеру-ремонтнику нужно досконально знать устройство инструмента. Для пользователя – достаточно инструкции по эксплуатации.

Но истина, к сожалению, в том; что человек себя не знает даже на уровне инструкции по эксплуатации, хотя пребывает в иллюзии прямо противоположного свойства.

Необходимые человеку знания о себе суть содержание учения о человеке, предлагаемого Традицией. Ведь всякое саморазвитие становится возможным только тогда, когда существует этот «Сам», имеющий о себе объективные знания. Поэтому я полностью разделяю древнее изречение: «Слон – очень большой, тигр может очень много съесть, а человек создан, чтобы учиться».

Почему же, спросите вы, сама жизнь не помогает человеку, не подталкивает его по пути самопознания и саморазвития?

2.2. Вид – Homo sapiens, жизнь – собачья...

Вспомните, что говорили нам родители и воспитатели о предстоящей жизни. «Ничего, жизнь тебя научит...» «Ничего, еще увидишь – жизнь тебя обломает!...» Что же это за штука такая – наша жизнь, которая нас же обязана «учить» и «обламывать»?

Что это такое: жизнь человеческая?

Совершенно очевидно, что вопрос этот – далеко не праздный. Не случайно ответ на него интересовал и продолжает интересовать огромное число мыслителей. Вот несколько образцов ответов:

«Жизнь есть сохранение возможности»

Валери

«Жизни верь, она ведь учит лучше всяких книг»

Гете

«Жизнь – чистое пламя: мы живем с невидимым солнцем внутри нас»

Томас Браун

«Обучение в школе жизни – принудительно, избежать его не может ни один человек»

Вудсбери

«Жить – значит непрестанно рождаться»

Жуандо

«Истинное назначение человека – жить, а не существовать»

Дж. Лондон

«Кто не ценит жизни, тот не достоин ее»

Леонардо да Винчи

«Наша жизнь измеряется усилиями, которых она стоила нам»

Фр. Мориак

«Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть»

Сократ

«Жизнь – это вечность в миниатюре»

Эмерсон

«Жизнь есть способ существования белка в дерьме»

Латвийский юридивый²

Как видим, среди поэтических образов, этических оценок, ироничных и патетических наставлений обнаружить некоторый единый методологический подход к определению категории «жизнь» не удастся. Однако, можно проследить две основные тенденции отношения к жизни. Она либо внешнее устройство, отдельное от человека, либо нечто, неотделимое от него.

Попробуем последовательно разобраться в этих тенденциях.

Почему, в частности, с определенной точки зрения жизнь выглядит как устройство?

² Янин И. Т. «Энциклопедия мудрых мыслей» – Калининград: ТНПП «Янтар. сказ», 2000.

Мы уже говорили о том, что, едва родившись, человек попадает в среду обитания, упорядоченную всеми предыдущими поколениями людей.

Эта среда обитания достается человеку в готовом виде: он еще ничего о ней не знает, но и к созданию ее никакого отношения не имеет. Если вы когда-то задумывались о своей жизни, то наверняка задавались вопросами подобного рода: почему я родился мальчиком (девочкой), почему в этой семье, почему в этой стране, почему у меня родители бедные (или богатые), почему у меня внешность такая, а не другая и т.д., и т. п. Ведь вы не выбирали эту стартовую, жизненную позицию – определенную, внешнюю по отношению к вам, ситуацию рождения. Она досталась вам в готовом виде, и, что самое обидное, предопределяет многое в вашей будущей жизни, ограничивая поле выбора. Исследования показывают, что, зная ситуацию рождения, не так уж трудно смоделировать все возможные «сценарии» будущей жизни. Их не так уж много – обычно четыре-пять...

По мере роста и развития ребенок начинает получать из среды обитания информацию о том, как эта жизнь устроена. Вначале это делают родители, потом сверстники, школа, знакомые и знакомые знакомых... Вся эта информация суть предлагаемая (или навязываемая) извне последовательность действий, обеспечивающих реализацию того или иного жизненного сценария в конкретной социальной среде. Делай сначала это..., потом это..., затем-то и «получишь все, что тебе надо для жизни...». И не удивительно, ведь **в процессе** социализации человек получает не только сведения о системе социальных отношений, не только наставления о способе стать вписанным в определенную социальную иерархию, но и описание самого себя, каким его хочет видеть окружающий социум. Это описание «таковости», описание человека, как «куклы», как вещи.

В самом деле, с точки зрения воплотившегося Духа, как чистого субъекта, его воплощенность (тело, сознание, психика) остается не явленной, если не предпринять для исправления этой ситуации специальных усилий. Жизнь оказывается внеположенной, внешней по отношению к человеку как субъекту, и потому может рассматриваться им как устройство, общения с которым избежать не удастся. Ибо воплощенность не распадается лишь тогда, когда ее потребности, так или иначе, удовлетворяются. А сделать это можно лишь в контакте с жизнью как устройством по предъявлению своеобразной «визитной карточки»: я – ТАКОЙ, и потому мне надо ЭТО. Так формируется взгляд на жизнь как на устройство, т.е. вещь, через контакт с которым вещь под названием «человек» может продлить свое существование, если будет должным образом идентифицирована через «таковость». Ибо, с точки зрения устройства, человек как субъект никого не интересует: он должен быть вещью, имеющей определенное назначение. Соответственно, социум, являясь надличностным образованием, исполняет роль своеобразной фабрики по производству людей, если рассматривать их как вещи, как функциональные единицы.

В этом аспекте мы можем определить жизнь как способ функционирования воплощенности в социальной среде обитания.

Давайте вспомним, как выглядит жизнь человека, так сказать, в бытовой ситуации. О чем люди рассказывают друг другу? Они говорят о событиях, фактах, датах, действиях, словах; изредка – о своих чувствах и эмоциях; чаще – о своих выводах и умозаключениях, о принятых решениях, о планах на будущее. Если присмотреться поближе, нетрудно заметить, что, действительно, все эти рассказы относятся к событиям, происходящим с воплощенностью в связи с удовлетворением тех или иных ее потребностей через определенную среду обитания.

Однако, отождествляя субъект с его внешним описанием – с «таковостью», человек оказывается не в состоянии отделить себя от жизни. И, рассказывая о себе, человек фактически рассказывает о событиях своей жизни. Типичным примером такого положения является любая биография, в том числе и в авторском исполнении. На книжных полках еще достаточно часто

можно встретить книги серии «ЖЗЛ» – «Жизнь замечательных людей». Разве повествуют они о живом человеке, о жизни субъекта? Нет! Там лишь, более или менее, занимательное описание событий, имевших место с Бетховеном, Кантом, Эйнштейном, Марксом... Но там нет самих субъектов – Бетховена, Канта, Эйнштейна, Маркса...

Итак, жизнь, как устройство, внеположена человеку и, более того, в живом, целостном человеке не нуждается. Ее вполне удовлетворяет функционирующая, социальная «машинка», вписанная в механическое же устройство социума. Такая жизнь «учит» и «обламывает» – не ломай отлаженный механизм, изволь соответствовать устройству!... В этом направлении действуют все известные надличностные механизмы социума: социального наследования, социального давления, социального соревнования и т. д. Для внешнего наблюдателя такая жизнь и выглядит как набор социальных сценариев или расписаний. Человеку, достаточно отождествиться со своей таковостью и, далее, его жизнь разворачивается в заранее известную последовательность событий, происходящих в рамках определенной части социума. Разумеется, число социальных сценариев достаточно велико. Они достаточно разнообразны и удобны в пользовании – ничего придумывать не надо, все установлено и заранее известно. Пересечение сценариев практически исключено (по крайней мере, на механическом уровне восприятия). Если сценарий выбран, точно известно, чего с вами никогда не произойдет. Помните у М.М.Жванецкого: «...Я никогда не буду женщиной, я никогда не полечу в Космос, ... не возьму семь метров в длину с разбега...». С точностью курьерского поезда «ваша» жизнь катится по накаланным рельсам и строго выверенному маршруту... Может ли этот «поезд жизни» сойти с рельсов, не доехав до очередной «станции назначения»?

Да, может! Может в силу самых разных обстоятельств, связанных с взаимодействием двух механизмов: механистического существа, гордо именующего себя «Человек», но отождествленного со своей «таковостью», и механистической же социальной жизни. В таких «авариях» – колоссальный шанс! Шанс остановиться и задуматься о происходящем, как говорят задуматься о смысле жизни. Задумаемся и мы.

Достоверно известно, что независимо от степени осознания своего «социального расписания», о двух фактах жизни, которых избежать не удавалось никому, человек точно осведомлен.

Первый факт – приятного свойства: это факт рождения. Никому из нас не дано воспроизвести ощущения и переживания своего рождения, но мы абсолютно убеждены, что оно было. День рождения – праздник, отмечаемый всеми людьми. Но думаем ли мы, каково смысловое содержание этого праздника? Читатели, очевидно, вспомнили наши предыдущие рассуждения о природе человека. Да, да, произошло событие в Реальности: дух воплотился в теле, чистый субъект (Я) обрел все три ипостаси и стал явленным и отграниченным. В результате факта рождения появляется субъект воплощенный, включающий в себя Я, тело, сознание и психику.

Особенностью следующего за этим четырехлетнего периода является то, субъект воплощенный продолжает сохранять свою целостность.

Воплощенность в этот период еще не утрачивает связи с воплотившимся Духом, и ребенок переживает себя как целостное существо, органично и целостно включенное в Реальность. Больше никогда человек не будет пребывать в мире настолько полно. Эта полнота самоощущения, полнота бытия может стать только результатом успешно пройденного духовного пути. Люди обычно не помнят события тех первых четырех лет жизни, но в подсознании сохраняется память об этом самоощущении и неосознанное желание вновь обрести это состояние. Это и есть знаменитое «томление духа» Убежден, что именно на это намекал Иисус Христос, когда говорил: «Будьте как дети, но не будьте детьми». Именно на этот период приходится наиболее интимные отношения воплотившегося Я с его земными инструментами, вполне «осязаемыми», действительно, как **мое** тело, **мое** сознание и **моя** психика.

Для воплотившегося субъекта внешняя среда обитания выступает как объект, прежде всего, познания и воздействия. Но и среда обитания, в свою очередь, воздействует на воплощенность, которая также воспринимается средой как объект воздействия. И в этом взаимодействии воплощенность «обрастает» пространством «объект-объектных» отношений: это, соответственно, индивидуальность, личность и сущность. Таковы три составляющие человека как объекта, в совокупности образующие его внешний образ – Персону. Персона есть результат синтеза трех видов отношений: биологических, социальных и духовных. Очевидно, что качественно эти отношения различны, более того, они могут вступать в конкурентные взаимодействия. Но, все же, они остаются пространством, пусть неоднородным, но отдельным от других аналогичных пространств. Что же их объединяет? Что является для них общим, придающим некоторую качественную определенность всему целому, и, в то же время, лежащим за пределами качественной определенности каждого из видов отношений? Ответ, мне кажется, очевиден: жизнь.

В самом деле, человек, действующий как объект, явлен и отграничен в Реальности своей Персоной. Персона же есть синтез трех различных пространств отношений, общим для которых есть то, что они процессуальные, что они – живые. Иными словами, **Персона есть синтез жизни тела, жизни сознания и жизни души**. В отсутствие жизни, как таковой, Персона распадается. Что же остается? Остается след, оставленный человеком, действующим в среде его обитания. Значимость этого следа определяется не только особенностями пространства отношений с Реальностью, т.е. особенностями самой Персоны, но, прежде всего, качеством ее жизни.

Здесь мы подходим к важному моменту наших рассуждений. И самое время вспомнить о втором обязательном событии, избежать которого в жизни не удавалось ни одному человеку. Как вы догадались, речь пойдет о смерти биологического носителя. Всякий человек знает, что это событие неизбежно, хотя, по возможности, старается об этом не помнить. Но это знание все равно присутствует в человеке, как минимум, в форме базального регулирующего страха, присущего индивидуальности – страха конечного.

И поскольку жизнь неминуемо начинается событием рождения, а заканчивается событием смерти, постольку человечество всегда стояло перед необходимостью ответа на вопрос: «Как относиться к промежутку между этими двумя inferнальными событиями?» В той или иной форме каждый человек обязательно занимает в этом вопросе вполне определенную позицию. Эти позиции, различающиеся, конечно, в деталях, в принципе сводимы к трем большим группам.

К первой группе относятся различные теории, сугубо материалистического свойства, которые обобщенно могут быть названы теориями самосохранения. Представители этой группы полагают, что до события рождения ничего не было и после события смерти ничего не будет, и, следовательно, основной задачей человека является борьба со старением организма, т.е. продление жизни. Так или иначе, представители первой группы стараются ответить себе на излюбленный вопрос русской интеллигенции «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Сюда относятся различные теории закаливания, поддержания физической формы, здорового образа жизни, а также различные «эпикурейские» учения о том, как получить от ограниченной во времени человеческой жизни максимум удовольствия.

Ко второй группе относятся, главным образом, духовные учения, традиции и религии, которые не считают для себя актуальным вопрос, было ли нечто до события рождения, но определенно заявляют, что душа (дух) человека и после смерти продолжает жить, но в другом мире.

Соответственно, текущая жизнь человека не так уж важна, но она есть средство «заслужить» себе жизнь вечную, жизнь иного качества, в мире лучшем, чем земной. Соответственно, квинтэссенцией подобных теорий является ответ на вопрос: «КАК заслужить себе жизнь вечную?» Учения второй группы, таким образом, предлагают человеку путь самовозвышения над

бренностью земного бытия. Практически все мировые религии относятся ко второй группе и, признавая духовную первооснову человека, проблематику личного спасения неизменно выносят за рамки единичной жизни, за событие физической смерти.

Наконец, к третьей группе относятся различные учения, полагающие, что нечто было до события рождения и нечто будет после физической смерти. Для этих учений актуальным становится ответ на вопрос: «ЗАЧЕМ дана эта жизнь?» Иными словами, учения третьей группы обращены к постижению смысла человеческой жизни, они предлагают пути постижения и преображения, где задача личного спасения может быть решена в рамках одного воплощения, одной человеческой жизни. Именно к третьей группе относится учение И.Н.Калинаускаса, устами которого Традиция заявляет: «Актуально не жить бессмертно, а без смерти жить». Почему это возможно?

Традиция определяет истинную продолжительность жизни не календарным временем, а интенсивностью переживаний. Известно, что во время интенсивных переживаний календарное (конвенциональное) время **субъективно** замедляется. И, наоборот, размеренная, не эмоциональная жизнь **субъективно** «протекает быстро, как вода сквозь пальцы». Таким образом, смещение «центра тяжести» на жизнь души субъективно удлиняет жизнь в несколько раз, независимо от хода конвенционального времени. Тогда вполне доступна ситуация, когда психика «устанет» жить раньше, чем «износится» биологический носитель. Вопрос о смерти перестает быть актуальным, а субъективно переживаемого времени жизни оказывается потенциально достаточно для решения проблем постижения и преображения.

Я не случайно четырежды подчеркнул слово «субъективно». Дело в том, что жизнь, предлагаемая Традицией, предполагает обязательное участие в ней самого субъекта, т. е. качественно отличается от того, что необходимо и достаточно для жизни в социуме.

В самом деле, для жизни, предлагаемой социумом, т.е. для жизни как устройства, необходимо и достаточно человека действующего, который отождествляет себя с функциональной единицей – с вещью. Этот человек-вещь суть его таковость, отражаемая в структуре личности в виде упомянутой выше психологической конструкции – Я-концепции.

Жизнь субъекта в такой конструкции остается невостребованной. По понятным причинам остается невостребованной и проблематика обретения личного Духа, который остается для человека действующего не явленным.

Между тем, невостребованность субъекта жизнью не означает гибели субъекта, как такового. Он не погибает, хотя по степени развитости очень часто отстает от Персоны, оставаясь по большей части нереализованной потенцией. Так происходит разрыв между бытием и жизнью: бытие присуще субъекту, а жизнь – Персоне. **Если жизнь остается историей «таковости» в социальной среде, то бытие – историей Я в Реальности, ибо неосознанность этих отношений человеком не отрицает их наличия.**

Поэтому для ученых, мыслителей, деятелей искусства, т.е. людей познания и переживания, порой оказывается возможным прямо противоположное соотношение – субъект развивается в большей степени, нежели Персона, жизнь которой может складываться при этом достаточно банально в сравнение с бытием субъекта. Однако, намного чаще человек представлен весьма развитой Персоной (под руководством личности) и недоразвитым субъектом, о котором можно сказать, что его развитие законсервировалось в «детском возрасте». Таким образом, творческий импульс воплощения Духа в человеческом теле исчерпывает себя жизнью данного тела и следом, оставленным человеком в человеческой цивилизации. Можно ли считать такую жизнь человека бессмысленной?

С точки зрения личного Духа – Я – безусловно, так. Но с точки зрения человека-объекта такая жизнь может выглядеть вполне осмысленной. Имеет она известный смысл и с точки зрения Реальности (или Бога, или Абсолюта, или Духа Святого). Ибо, даже не обретая себя как

субъект, человек выполнил определенную работу по преобразованию среды обитания, и создал условия для новых воплощений Духа, т. е. продолжил род человеческий.

В этом контексте, возможно, становится более понятным отрицательное отношение большинства религий к суициду, который часто трактуется как «отказ от Божьей работы».

Однако, жизнь человека может стать целостной, когда в ней примет участие не только человек действующий (объект), но и человек-субъект. Что же для этого необходимо?

Первым этапом является, конечно, самопостижение в том контексте, который был указан выше. Вторым этапом является постижение законов жизни, т.е. изучение жизни как устройства. И, тогда, на третьем этапе субъект может стать хозяином жизни, соединив собой пространство субъективных переживаний и пространство отношений с объективной Реальностью. **Тем самым создаются условия, когда субъект может выразить себя через Персону, а человек становится, по сути, Субъектом Деятельности. Жизнь при этом остается устройством, но устройством, переделанным в соответствии с творческим замыслом Субъекта.**

И, тогда, по выражению шейха Абу Силга, **жизнь становится творческим актом по удовлетворению своих желаний.** Ибо появляется тот, кто отделяет свои желания от навязанных извне, кто в состоянии постичь себя, кто становится творцом собственной жизни, одухотворяя объективную Реальность. Иными словами, **жизнь как творческий акт суть результат игры личного Духа своей воплощенностью.** Но эта игра суть Божественная игра.

Какой же открывается Реальность с точки зрения человека-творца? И каковы его отношения с ней?

2.3. «Магазин» зеркал

Размышления о картине мира с неизбежностью приводят меня к мысли о чрезвычайной значимости этой категории для жизни человека.

Разумеется, картина мира – это не мир, и даже не его часть, а лишь образ той его ограниченной части, которая доступна образному мышлению данного конкретного человека. Иными словами, картина мира всегда существует исключительно в субъективной реальности, а мир отражен в ней, как в зеркале. Зеркала же бывают разными... Отраженный в них образ может быть весьма обширным, но схематичным; может быть предельно детализированным при общей ограниченности; может быть частично детализированным, а, частично, схематичным. Но какая-то картина мира субъективно существует всегда, независимо от того, насколько она оторефлексирована самим человеком. Ее качественные характеристики при этом зависят от многих факторов, но, в первую очередь, от позиции, которую занимает человек по отношению к своей жизни и ее пространству.

Можно привести такой пример. Предположим, человек совершает полет на самолете. В начале путешествия он каким-то образом представляет и интерпретирует местность вокруг аэропорта, сам аэропорт, людей, самолеты и т. д., причем настолько подробно, насколько близки и зрительно различимы объекты. Усевшись в авиа-кресло у иллюминатора, человек многое теряет из виду, но начинает видеть в деталях то, что было скрыто от его взора: самолет изнутри, ограниченное число людей вокруг, некоторый участок взлетно-посадочной полосы и примыкающего к нему поля. По мере взлета наблюдаемая человеком картина расширяется, и чем выше полет, тем более значительно это расширение – до нескольких десятков километров. Однако, наблюдаемые им объекты многое теряют в части конкретности, становясь, своего рода символами дорог, рек, домов, деревьев и т. п., аналогично с изображением на географической карте. При посадке объекты постепенно начинают обретать более конкретные формы при постоянном сужении поля наблюдения.

Так и в жизни: картина мира, отчетливо представляемая человеком, настолько широка и разнообразна, насколько богат его жизненный опыт, как в части географического перемещения и личных наблюдений, так и в части опосредованных представлений, сформировавшихся в соответствии с его общей информированностью, с учетом доверия к опыту других наблюдателей.

Поскольку жизненный опыт и информированность людей чрезвычайно разнообразны, постольку априори разнообразными являются их картины мира. Кроме того, даже при очень схожем, жизненном опыте и примерно одинаковом уровне информированности, картины мира могут значительно различаться ввиду различной способности к интерпретации зрительных образов, а также способности к порождению образов на основе вербально-логической информации.

Последняя проблема всегда имеет место, потому что даже самый заядлый путешественник, исколесивший весь земной шар, не может, например, подняться к звездам, или посетить другие галактики, и т. д., и т. п. Иными словами, личные наблюдения формируют только основные фрагменты картины мира, которые потом могут быть так или иначе описаны вербально-логическим аппаратом. Другая же, причем большая по широте охвата часть картины мира, наоборот, формируется непосредственно на основе его (мира) описания, как это предлагается учебной, научной или художественной литературой, видеоматериалами, системой верований и другими источниками, которые субъективно воспринимаются как авторитетные.

Соответственно, один и тот же объект или образ, наблюдаемый различными людьми, интерпретируется ими по-разному, в зависимости от особенностей индивидуального восприятия каждого наблюдателя. Так, созерцая один и тот же пейзаж, люди выделяют в нем разное

и, соответственно, по-разному на него реагируют. Очевидно, поэтому столь редко встречаются художники-копиисты, способные в точности повторить картину-оригинал, как по форме, так и по эмоциональной наполненности.

Таким образом, мы с необходимостью приходим к выводу, что абсолютное совпадение картин мира даже у двух людей, не говоря уже об их большем количестве, есть событие с ничтожно малой вероятностью. И, следовательно, мы имеем дело с громадной «картинной галереей», где картины мира чрезвычайно разнообразны. При этом, исходя из постулата о бесконечности пространства и, соответственно, бесконечном количестве помещенных в него миров, можно логически непротиворечиво допустить, что каждая картина мира чему-то в Реальности обязательно соответствует, но даже совокупность всех картин мира Реальность в целом не отображает.

В связи с этим представляют практический интерес следующие вопросы:

- каковы источники, и кто реальный автор картины мира человека;
- какова взаимосвязь между картиной мира человека и тем, как он живет;
- что позволяет преодолеть различие в картинах мира при взаимодействии людей друг с другом;
- существует ли единственно правильная картина мира, а, если – нет, то какая из них для человека является «лучшей».

Непосредственным источником формирования зачатков картины мира являются сенсорные ощущения человека, начиная с периода внутриутробного развития. Но информация из внешнего окружения, поступающая через сенсорную сферу, остается человеком неосознаваемой, пока не подвергнется истолкованию (описанию) посредством терминов, предлагаемых ему, прежде всего, родителями и ближайшим окружением. Так, постепенно, образам приписываются определенные понятия, понятия складываются в суждения и в результате картина мира начинает осознаваться, дополняясь его описанием. Впоследствии, освоив алфавит и научившись читать, человек получает возможность совершать обратное действие: дополнять свою картину мира опосредованно, чтобы из описания мира в различных источниках сформировать субъективный образный ряд.

Таким образом, при всей субъективности картины мира, человек не является ее непосредственным автором. Картина мира имеет всегда внешний источник. Условное авторство может быть распространено только на интерпретацию полученной извне информации, а также на выбор источников самой информации, хотя и выбор этот самостоятельным можно назвать весьма условно.

Человек крайне редко анализирует процесс создания картины мира и, тем более, ее истинное авторство. Однако, сложившуюся картину мира он совершенно искренне считает своей, собственным своим порождением, т. е. имеет место факт интериоризации предложенных извне представлений и, соответственно, суждений. Более того, присвоив (интериоризировав) некоторую картину мира, человек начинает жить в полном соответствии с ней, искренне заблуждаясь в том, что мир «действительно» таков и только таков. Все, что в картину мира не укладывается, человек просто не видит. Строго говоря, он может реально видеть, ощущать и переживать нечто, не вмещающееся в его картину мира. Однако, не имея возможности осознать это из-за отсутствия соответствующих представлений и суждений в описании мира, человек вытесняет в бессознательное всю не интериоризированную информацию.

Весьма характерным, в связи с изложенным, является следующий известный пример. Африканское племя, не знакомое с достижениями современной цивилизации, хотя и жившее в непосредственной близости от международного аэропорта, не видело пролетающих над племенем самолетов. Очевидно, менее шокирующие, но аналогичные, по сути, открытия можно сделать, исследуя картину мира очень многих людей. Люди не замечают и не осознают очень многие события и факты только потому, что в их картину мира они не умещаются.

Предварительно выводы из приведенных выше рассуждений выглядят следующим образом:

- во-первых, картина мира есть категория субъективная;
- во-вторых, картина мира и его описание всегда инспирированы внешним окружением и лишь потом интериоризированы индивидом;
- в-третьих, индивид видит мир и живет в нем исключительно в соответствии со своей картиной и описанием мира, не замечая того, что в его картину мира не умещается, и не может быть описано и интериоризировано его памятью и аппаратом мышления.

Изложенное выше позволяет сделать еще один интересный вывод: в массе своей люди живут в вымышленном, субъективном мире. Объективная же Реальность, будучи бесконечной в своих проявлениях, всегда предоставляет достаточное количество своеобразных «зеркал», отражающих ту или иную картину мира. Подобный образ широко используют восточные духовные традиции, предлагая человеку для знакомства с собой (а, значит, и со своей картиной мира) воспринимать окружающие факты как систему зеркал. Можно сказать, что человек фактически живет в «королевстве кривых зеркал». Причем, зеркала эти «кривыми» являются не по форме, а по назначению: они отражают только субъективную реальность, часто не имея прямого отношения к объективному положению вещей, по крайней мере, как это видится постороннему наблюдателю. Ведь посторонний наблюдатель считает для себя объективным лишь то, что отражает образы, порожденные его субъективной реальностью.

Так жизнь человеческая становится и объективной, и субъективной, одновременно. Картина мира есть зеркало, специфическим, для данного человека, образом отражающее часть объективной Реальности, а человек разворачивает свою жизнь только в соответствии со своим субъективным видением, находя тому «зеркальное» отражение в объективном мире.

Так реализуется постулат Гегеля: «Кажимость – объективна». Добавим лишь: да, объективна, но для того, кому кажется!.. Поэтому человека и можно считать существом пограничным, живущим на границе субъективной и объективной реальностей (если, вообще, допустить логически такое деление).

Но, если субъективный мир человека есть специфическое отражение объективного мира и, наоборот, осознаваемый объективный мир есть лишь отражение субъективной картины мира, то, с определенной точки зрения, человек в пределе есть «ноль» – точка, соединяющая субъективную и объективную реальность и потому «объемлющая» бесконечность. И каждый из «нолей» имеет возможность развернуть свою субъективную реальность в объективную и наоборот, в полном соответствии с интериоризированной картиной мира, в соответствии с уровнем своего знания о мире и его устройстве.

С этой позиции, безусловно, также субъективной, становится понятным, почему в формуле, отражающей картину мира Тартанга Тулку человек никак не обозначен: «время разворачивает знание в пространстве».

Иными словами, в такой картине мира, «ноль», равный Пустоте, и есть Человек, созданный по образу и подобию Божию. А то, что принято называть «человеком» – есть лишь инструменты, через которые «ноль» реализует себя. Можно назвать этот «ноль» воплощенным Духом, или еще как-нибудь, но суть от этого не изменяется: Пустота остается Пустотой. Но эта Великая Пустота (шунья) вмещает в себя все потенциальные миры, любые формы их потенциальной воплощенности. И тогда, в этой картине мира, Пустота может быть рассмотрена как исходная субстанция любой формы, т.е. «всякая форма – пуста, а всякая пустота – оформлена». В такую картину мира легко вписываются и другие сакраментальные фразы духовных учителей человечества:

- «великий квадрат не имеет углов»;
- «как вверху, так и внизу: как внизу, так и вверху»;
- «сансара – та же нирвана, нирвана – та же сансара».

Указанная картина мира полностью адекватна той, которая предлагается Традицией. В соответствии с ней природа Реальности есть процесс воплощения Духа Святого, а природа последнего состоит в том, что не воплощаться он не может. И потому, как бы не сложилась жизнь человеческая, она значима для Реальности, поскольку, так или иначе, человек принимает участие в пополнении Реальности новыми формами воплощенной Пустоты, воплощенного Духа.

Если говорить о предельной субъективности картины мира и зависимости жизни человека от нее, то мы с неизбежностью приходим к вопросу: как же людям удастся, более или менее, общаться и договариваться друг с другом?

Почему, если человек зашел в магазин с тем, чтобы купить, например, хлеб, сметану и колбасу, он совершенно убежден в том, что и те, кто их произвел, и те, кто выложил их на полки, и те, кто будет рассчитываться с ним у кассы, видят в купленном товаре то же, что и он сам? И такие примеры можно множить до бесконечности, начиная с простейших бытовых вопросов и кончая проблемами Мироздания. Стало быть, при всем субъективном разнообразии картин мира, люди давно научились согласовывать описание основных объектов, явлений и действий. И в соответствующих аспектах картины мира людей жестко структурированы и детерминированы. И такое согласование носит глобальный характер – различие состоит лишь в знаковой системе, т. е. в языке. Однако, найдя в словаре перевод любого слова, мы всегда точно знаем, что подразумевается тот же самый предмет, то же самое явление, то же самое действие и т. д. Многое уже давно согласовано и, приняв некоторую детерминацию в свою субъективную картину мира, люди оказываются в рамках **согласованной реальности**. В процессе взросления, воспитания и обучения человек обязательно усваивает «адекватное» восприятие согласованной реальности. Особенно важную роль в этом процессе играет школа. Потому и оценки совершенно необходимы: нужно же оценить, насколько ребенок запомнил основные понятия и определения согласованной реальности, насколько он адекватен и предсказуем в построении «своей» субъективной картины и описания мира. Большая дифференциация в рамках согласованной реальности допускается лишь в оценках тех или иных ее аспектов, особенно – в сфере межличностных контактов. Здесь дифференциация зависит от расовых, национальных, государственных, исторических, культурных и других факторов, включая и различия в социально-психологических мирах.

Социум, как фабрика по производству людей, всегда и во всех странах внимательно следил за тем, чтобы картина и описание мира в их базовых позициях совпадали, в пределе, у всех людей, принадлежащих к данному социуму. И такая установка глубоко внедряется в человека, прежде всего, через его Я-концепцию, содержащую целую систему идеалов и ориентиров. Попытка выйти за рамки согласованной социальной реальности преследовалась и преследуется повсеместно, различаясь по форме, но не по целевому назначению, которое остается неизменным: человек должен быть таким, таким и таким, и никогда другим. В противном случае его место на кладбище, в тюрьме, в психиатрической лечебнице или, в лучшем случае, в ссылке, т.е. в другой части социума. Очень ярко это показано в американском кинофильме «Путешествия Гулливера», где героя держат в психиатрической больнице, требуя только одного: чтобы все виденное и пережитое Гулливер признал выдумкой, бредом – лишь бы картина и описание мира, принятые в «добропорядочном» английском обществе остались неизменными.

Так от Галилея требовали под страхом сожжения на костре признать, что Земля не вращается вокруг своей оси. Так гнали и травили многих и многих выдающихся людей разных эпох и народов за их посягательство на принятую картину и описание мира. Можно также вспомнить о многочисленных религиозных войнах, которые, по сути, немногим отличаются от лилипутских войн между «тупоконечниками» и «остроконечниками».

Таким образом, формирование согласованной картины и описания мира может быть рассмотрено в двух аспектах.

Во-первых, пребывание человека в согласованной реальности позволяет ему не сойти с ума от страха перед бесконечностью мира и мощью природы. Кроме того, согласование необходимо, поскольку позволяет людям договориться, согласовывать свои действия в процессе удовлетворения своих базальных потребностей, которые, как известно, делятся на биологические, социальные и идеальные.

В соответствии с этим структурируется и согласованная картина и описание мира:

- физический и биологический мир – так называемая, научная картина мира, теория происхождения видов и т.п., включая также науки, изучающие человека и его устройство;
- социальный мир – система научных взглядов на устройство общества и его динамику, на правила и порядок взаимодействия людей в социуме;
- идеальный мир – система верований, культура, литература, живопись и т. д.

Но, поскольку Реальность неисчерпаема, и любая картина мира не может претендовать на «истину в последней инстанции», постольку вся согласованная реальность, сама будучи иллюзорной, зиждется на трех иллюзиях, как на трех китах:

- иллюзии 1-го рода – иллюзии об устройстве человека как биологического вида и взаимодействии со средой; к этой же категории относится иллюзия человека о том, что он себя знает;
- иллюзии 2-го рода – иллюзии об устройстве социума и взаимоотношениях между людьми;
- иллюзии 3-го рода – иллюзии об устройстве Мироздания.

В соответствии с этим все научные, культурные и религиозные споры есть споры о том, чья иллюзия лучше и оригинальней, что, само по себе, достаточно смешно.

Но это перестает казаться смешным, если увидеть второй аспект: согласованная реальность накладывает жесткие ограничения на человеческую жизнь. Ибо человек не может не общаться с другими людьми, а, значит, должен принять некоторую согласованную картину мира и его описание. А проделав это, человек легко отождествляет их со своими собственными и начинает жить, подгоняя свою жизнь под вполне конкретные ограничения, накладываемые авторитетным для него окружением. Все, что выходит за рамки картины мира данного окружения, безжалостно вытесняется из сознания. Человек, как бы, входит в камеру с зеркальными стенами, и сам запирает за собой дверь. Его картина и описание мира, конечно, остаются достаточно индивидуальными, но в главных аспектах жестко детерминируются картиной и описанием мира, принятыми в данной части социума. В соответствии с этим человек и разворачивает «свою» жизнь, которая в этих условиях становится уже не столько персональной, сколько «стайной».

Конечно, бесконечно отражаясь в зеркалах согласованной реальности, мир человеку кажется безграничным и, при этом, понятным, где все подтверждает принятую картину и описание мира. Однако, зеркальный эффект лишь скрывает границы, преодоление которых представляет собой достаточно сложную задачу. Но всегда ли это необходимо?

Из вышеизложенного следует, что картина мира, полученная человеком от социальной группы, т.е. от некоего социального МЫ, и ее собственно авторский вариант, если бы таковой имел место, могут в значительной мере отличаться. Но тогда и жизнь, проживаемая человеком, будет отличаться от способа жизни, принятого в данном МЫ. И, стало быть, человек с измененной картиной мира будет вынужден покинуть соответствующее МЫ в полном соответствии с принципом отторжения чужака от стаи. Человек становится чужим в этом МЫ и должен искать другое МЫ, картина мира которого и, соответственно, способ жизни больше соответствуют его изменившейся картине мира. Образно говоря, человек оказывается вынужденным выйти из одной камеры с зеркальными стенами и перейти в другую. Иными словами, «купить» себе новые зеркала, уплатив за них часть своей жизни.

В рамках социума «зеркальных систем» достаточно много и они образуют своеобразную матрицу. Зная правила движения внутри матрицы, человек может переходить из одной системы в другую, но, в любом случае, его картина и описание мира останутся далекими от собственного авторства, они лишь меняют характеристики и конфигурацию, не меняя сам принцип разворачивания жизни – только от МЫ. И каждое МЫ убеждено в том, что его картина и описание мира – самые правильные.

Но существует ли, вообще, единственно правильная картина мира? Очевидно, нет, ибо ни одна из них Реальности полностью не отражает. И, таким образом, вопрос «правильности» также решается субъективно: каждым для себя с учетом мнения МЫ.

Иными словами, если жизнь человека, отождествленная с жизнью некоторого МЫ, его абсолютно устраивает и ничего другого он в данный момент не ищет, то его картину и описание мира можно рассматривать как субъективно «правильные» для данного момента времени.

Поиски же другой жизни всегда подразумевают изменение картины мира, и, наоборот, произошедшее по любой причине изменение картины мира не может не требовать изменения способа жизни. Это общее правило, несоблюдение которого приводит к кризисам целеполагания и смыслополагания.

У этого правила есть еще одно важное следствие: человек не может разворачивать в жизни несколько картин мира одновременно. Поэтому, если в силу доминирования, например, исследовательского инстинкта, человек решил изменить жизнь и для этого начал изучать различные картины мира, он должен будет выбрать из них одну, либо сконструировать собственную на основе нескольких изученных. В противном случае реальных изменений с ним не произойдет.

И в этом случае возникает главная проблема – проблема выбора. Его трудно сделать, поскольку себя человек не знает, а, стало быть, не может отличить собственный замысел жизни от навязанного извне. Метод случайного перебора редко ведет к успеху, поскольку жизнь человека в рамках одного воплощения ограничена несколькими десятками лет, а возможных вариантов картин мира – множество.

Поэтому наиболее эффективными для решения подобных задач, если они вообще осознаются, являются картины мира, ведущие человека, как бы, по вертикали: не из клетки в клетку, от одного МЫ к другому, а от МЫ к Я, к «нолю». А поскольку и таких картин мира – достаточное количество, то проблема выбора сужается, но, все равно, остается. И единственным способом решения становится переживание субъективного момента истины – возникновение доверия к какой-то одной картине мира, либо, что еще лучше, к ее живому носителю, ибо он своей жизнью и разворачивает мир, соответствующий такой картине. Но пережив такой момент субъективной истины и приняв соответствующую картину мира, человек также ограничивает и свою жизнь: она не может противоречить принятой картине мира.

Таким образом, если человек приходит к ситуации, когда становится возможным стать хозяином своей жизни, то это происходит не иначе, как в соответствии с определенной картиной мира, ранее принятой и интериоризированной. Данная книга, соответственно, является также и предложением картины мира, предлагаемой Традицией.

В соответствии с этой картиной мира, человек, претендующий на творческое строительство собственной жизни, должен познакомиться с собой, как субъектом, и пережить свое истинное Я, как пустой конструкт, как воплощенный личный Дух. Только тогда Я может занять, так сказать, «нулевую» позицию между пространствами субъективной и объективной Реальности, находясь «на острие луча воплощения». Ему открыто безграничное, субъективное пространство и такое же безграничное, объективное пространство. При этом субъективно рожденный замысел жизни может быть реализован через авторскую реконструкцию жизни, как объективно данного устройства.

В соответствии с этим человек меняет и совокупность своих отношений с Реальностью, передавая лидирующую роль инструменту, который изначально приспособлен для этого в рамках земного воплощения – сущности, развитой посредством специального обучения владеть собственной психо-энергетикой.

И тогда, со временем, человеку становится очевидным, что отграниченность пространств личности, сущности и индивидуальности – иллюзия, что на предельной мощности воплощения эти пространства растворяются в Реальности. И, стало быть, природа Реальности также пустотна как природа личного Духа. В целом, как мы уже говорили, сама Реальность и есть нескончаемый процесс воплощения Духа. Тогда, логически непротиворечиво приписать Реальности также качества субъекта, с которым можно и нужно вступить в диалог, длящийся непрерывно, в диалог, как способ бытия субъекта, творчески участвующего в процессе воплощения Духа Святого. Средством такого диалога выступает психо-энергетический резонанс, которому обучается каждый из последователей Традиции.

Возникает вопрос: если Реальность – субъект, то можно ли его персонифицировать, или, иначе говоря, отождествить с Творцом? Такой подход логически непротиворечив и лично меня вполне устраивает. Но, строго говоря, вера в Творца, в Бога или Высший разум с точки зрения Традиции не является обязательной частью предлагаемой картины и описания мира. Ибо главное в картине мира Традиции – это предложение определенного Пути.

Как видится этот путь в целом? И куда он ведет, этот Путь?

2.4. Что есть путь?

Рассматривая человека и его жизнь как некоторое пространство отношений с Реальностью, мы неминуемо приходим к проблеме смыслополагания.

Человеческая цивилизация и социум, как носитель технологического процесса изготовления человека для средне-статистических условий социального функционирования, в качестве смысла человеческой жизни предлагают только одну парадигму: участие человека в осуществлении прогресса в рамках цивилизации, имея в виду, в первую очередь, совершенствование процесса производства материальных благ. Конкретный человек, отождествивший персональный смысл своей жизни с парадигмой цивилизации, неминуемо оказывается в положении функциональной социальной единицы, осуществляющей один из стандартных сценариев жизни, предлагаемых пространством социальных отношений.

В этих условиях высшей ценностью для человека становится достижение максимально возможного уровня власти над другими людьми, что соответствует максимальному для него уровню потребления, а, значит, удовлетворения базальных биологических, социальных и идеальных потребностей. Смыслом жизни становится социальная экспансия, в пределе описываемая такими образами, как «Царь Природы», «Царь Людей», «Царь Вселенной».

Двигаясь в соответствии с вектором социальной экспансии, человек реализует собственную самость. Истинное Я в данном случае не проявляется и подменяется таковостью и Я-концепцией, демонстрирующими привычный для других образ, который сформирован на базе внешних оценок и в основе которого лежит принятая человеком модель потребного будущего.

Что же оказывается главной ценностью человека и человечества в целом? Власть! А что надо человеку от власти?

Разумеется, максимального удовлетворения своих биологических, социальных и идеальных потребностей, причем, путем захвата, экспансии! Таким образом, в жизни социума человек стремится не просто к власти, а к власти над другими – в этом его высшая ценность. Из этого вывода есть два возможных следствия.

Во-первых, в условиях социальной экспансии человек избегает знакомства с самим собой. И это естественно, ибо он хочет повелевать другими...

Во-вторых, стремление к Богу автоматически попадает в область «минус» -ценностей, ибо, где есть жажда власти, там нет Бога, а где есть Бог, там нет стремления к власти. Конечно, человек может быть искренне уверен в том, что он верит в Бога. Но он его не знает и к нему не стремится: верить в существование некоего высшего божества (или Высшего разума, или Абсолюта и т.п.) и стремиться познать его – суть разные позиции. За свою «веру» человек платит отправлением установленных исповедуемой религией ритуалов, иногда деньгами, но, от этого смыслообразующий вектор его частной жизни никак не изменяется. По сути, он един для всего Великого среднего, для абсолютного большинства человечества. И, конечно, это не хорошо и не плохо! Так устроена жизнь социума, благодаря такому ее устройству реализуется программа прогресса человеческой цивилизации – и спасибо за это!

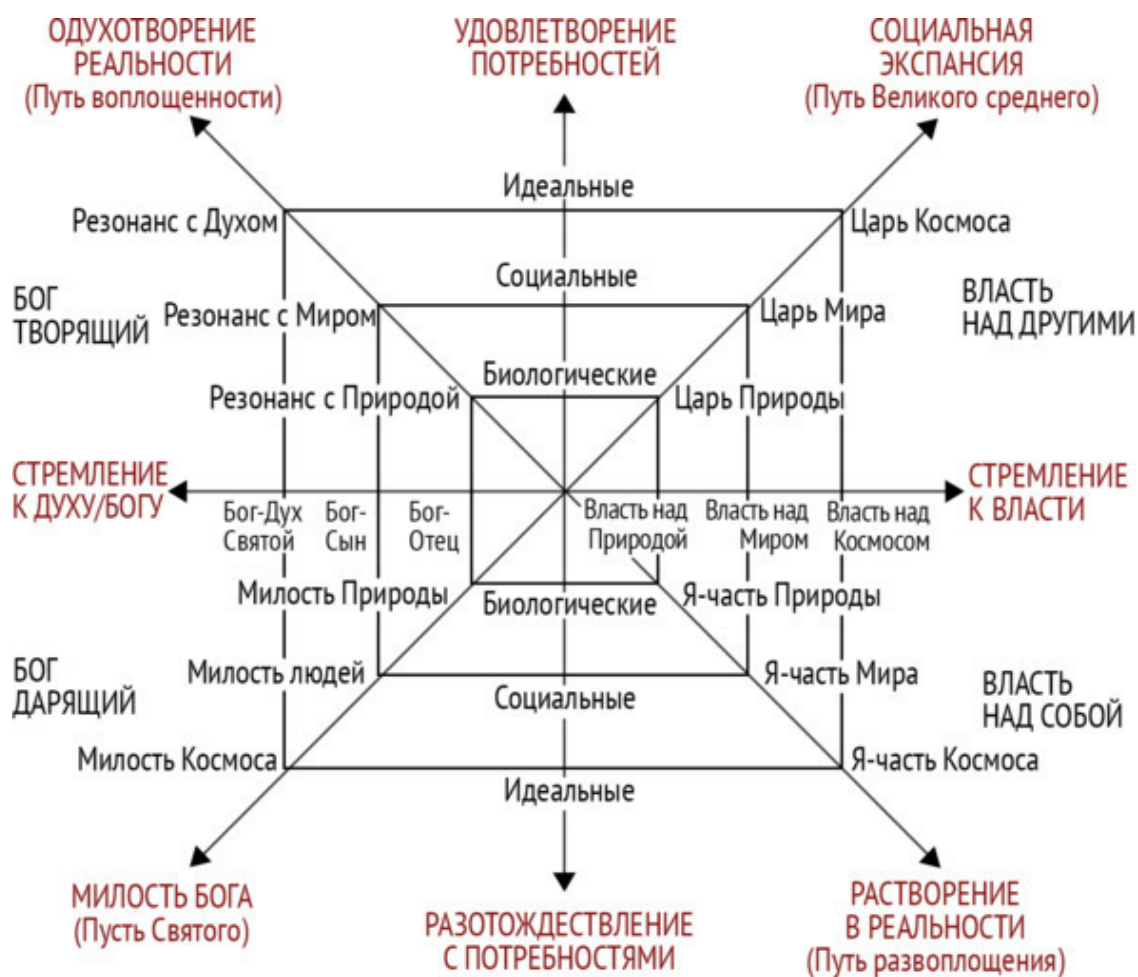
Но есть, как мы уже говорили, и меньшинство человечества, в общем виде описываемое термином «Духовное сообщество». Этих людей стремление к власти над другими, в силу самых разных причин не привлекает. То есть в стремлениях этой части человечества формируется антитеза: стремление к Богу.

Это стремление охватывает все три ипостаси Бога: Бога-отца, понимаемого как прародитель природы, Бога-сына, как покровителя человечества, и Бога-духа святого, как прародителя Вселенной (космоса).

Стремление человека познать Бога с «верой в Бога», в ее общепринятом понимании, не имеет ничего общего, ибо это принципиально иной смыслообразующий аспект человеческой жизни, в пределе распадающийся на два вектора смысла; на два типа пути в духовность:

- стремление к Богу дарящему;
- стремление к Богу творящему.

Первый путь, который может быть назван Путем святого, предполагает растождествление со всеми тремя видами потребностей человека в расчете на Божественный Дар, на милость Бога (милость природы, милость людей, милость космоса, соответственно). Представители такого Пути составляют основу феноменологии всех мировых религий, демонстрируя своей жизнью факт их связи с божественной Истиной.

ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Второй Путь – стремление к Богу творящему, предполагает деятельное познание Бога посредством участия в непрерывном процессе сотворения реальности. Этот Путь (путь воплощенности) не отрицает базальных человеческих потребностей, но предполагает их удовлетворение в резонансе с природой, миром и Духом, т.е., не отвергая участие в развитии человеческой цивилизации, имеет своим пафосом одухотворение реальности. В этом основной смысл жизни представителей открытых трансформационных духовных традиций, ведущих свою деятельность на «базаре жизни».

Как антитеза стремлению к власти, в истории духовных исканий человечества, появился еще и третий путь. Это путь растворения в реальности путем достижения власти над собой,

соединения своего Я с духовной первоосновой Реальности, растождествления со своим телом и своими земными потребностями. В пределе – небытие, смерть.

Таким образом, мы имеем всего четыре варианта главного смысла конкретной человеческой жизни и, в любом случае, выбор человека ограничен именно этими четырьмя вариантами смысла. Других нет! Не обманывайте себя! Остальное – уточняющие, конкретизирующие частные формулировки и перевод на понятный вам язык...

Всегда трудно точно определить, почему именно этот человек, именно в это время решил отказаться от социальной экспансии во имя поисков другого способа жить в этом мире. Ведь, строго говоря, стремление к Духу – это не лучше, и не хуже, не выше, и не ниже – это только другой способ жизни. Как правило, такому выбору способствуют некоторые события в жизни, которые укрупненно могут быть разделены на две группы.

Первая группа – это события, связанные с поражением в социальном соревновании. «Поезд жизни», мерно катившийся по рельсам хорошо отрепетированного социального сценария, вдруг остановился, или «сошел с рельс». Социум проигравших не любит и жизнь, как устройство, начинает вытеснять человека на маргинальные окраины. А там с одной стороны – преступный мир, а с другой стороны – мир духовных искателей, сгруппированных по признаку принадлежности к тому или иному учению, вернее, к его социально-психологическому миру.

Вторая группа – это события, связанные, образно говоря, с прозрением, когда человек, неожиданно для самого себя, начинает видеть банальность сценария жизни, навязанной социумом, и, как следствие, начинает задумываться над смыслом своей персональной жизни. Эти размышления и поиски также могут привести человека к знакомству с социально-психологическим миром какого-то учения или религии.

Такие социально психологические миры, или, иначе говоря, духовные убежища, создают практически все традиции, уже проявленные в социуме. Эти убежища и составляют сферу бытия объективного (общего) духа.

Если в варианте социальной экспансии человек, прежде, чем начинает, условно говоря, разворачивать пространство своих отношений с Реальностью, должен встретить определенный социально-психологический мир социума, то в варианте духовной устремленности человек, прежде всего, должен встретиться с духовным учением или традицией. И первое близкое знакомство с традицией происходит у человека, аналогично, через знакомство с социально-психологическим миром соответствующего убежища. В этой ситуации человек, так или иначе, проходит стадию, адекватную позиции клиента, когда через тренинги (практики, ритуалы), под воздействием социально-психологического мира убежища (или его лидера непосредственно), может произойти известная трансформация его картины и описания мира.

Если такой базовой трансформации не происходит, или она происходит лишь частично, вектор смыслополагания человеческой жизни, по сути, не изменяется, т.е. остается ориентированным на социальную экспансию. В этих условиях потенция разворачивания пространства отношений в человеческой жизни может быть реализована им тремя способами.

Во-первых, человек может застрять в позиции «вечного» клиента, осваивая самые экзотические способы защиты своей самооценки и нестандартные способы удовлетворения идеальных потребностей. При этом может страдать его социальная реализация, но изощренная защита самооценки легко вытесняет этот факт из сознания человека. Тут действует известный принцип защиты «маленького» человека: «Пусть мы бедные, но зато – очень духовные».

Во-вторых, человек может предпринять попытку реализовать парадигму социальной экспансии в рамках духовного убежища, став лидером некоторой группы клиентов и реализуя, таким образом, свое стремление к власти над другими. Примером такой реализации, в пределе, может служить любая из закрытых, тоталитарных сект.

В-третьих, человек может увлечься перебором духовной литературы и различных псевдодуховных практик, ничего вообще не меняя в сценарии жизни, за исключением удовле-

ния тех же идеальных потребностей из более экзотического и, как кажется человеку, элитарного информационного источника. Именно такой рынок псевдо-духовности широко представлен в любом не тоталитарном социуме.

Очевидно, что во всех перечисленных случаях устремленность к Духу, как таковая, остается не востребованной. Она проявляется лишь тогда, когда в процессе трансформации картины и описания мира человек переживает субъективный момент истины и обретает веру, или, как минимум, доверие к традиции, персонифицированной для него в образе личного учителя или духовного наставника.

Что же предлагает Традиция? В рамках приведенной выше градации Путь, предлагаемый Традицией, суть стремление к Богу Творящему. Так же, как эзотерическое христианство или эзотерическое мусульманство, этот Путь относится к разряду трансформационных. В результате его прохождения формируется существо, хотя и выглядящее внешне, как самый заурядный человек, но обладающее такими качествами, которые с человеком, в бытовом смысле этого слова, слабо совмещаются. Прекрасно и образно выказала свое отношение к Традиции и предложенному ею Пути Ева Весельницкая: «Она трансформирует спящее в автоматическом режиме существо с редкими проблесками самосознания в двуликого Януса, способного одухотворять Реальность. А что я буду уметь? Все, что понадобится. А что я буду знать? Все, что окажется необходимым. А что я буду иметь? Все, что захочешь. А к тому моменту я еще буду что-нибудь хотеть?...

Трансформационная традиция (или Традиция преображения) – это Путь, дающий силу, чтобы ей не пользоваться, знания, чтобы о них не помнить и умения, чтобы о них не знать. Потому, что в результате трансформации исчезает тот, кто мог бы всем этим владеть и остается инструмент в руках Реальности, который тем более совершенен, чем больше знаний, силы и умений у него было».

С точки зрения исторической, как уже говорилось, Традицию можно отнести к, так называемому, средиземноморскому суфизму, уходящему корнями к Гермесу Трисмегисту, позднее – к Сократу. В соответствии с этим, при общей идеологической близости с суфийскими орденами Средней Азии, средиземноморский суфизм в своей основе не опирается на ислам как базовое вероисповедание. Указанная же идеологическая близость, в частности, лишь подтверждает известный тезис, что истина – одна, хотя положена на многих.

По форме внешней проявленности в мире людей специалисты относят Традицию к разряду мистериально-игровых. Это означает, что человек, заявивший о своем намерении обучаться в Традиции, становится участником мистерии и получает от Традиции роль, которая наиболее соответствует его природным предрасположенностям. Как известно, мистерия тем отличается от прочих театрализованных представлений, что в ней нет пассивных зрителей – в мистерии участвуют все присутствующие, иначе это перестает быть мистерией. Название роли ученику не сообщается – он может об этом только догадаться. Его мнения по этому поводу никто не спрашивает, ибо распределение ролей есть исключительная прерогатива Традиции, а сценарием мистерии управляют силы, стоящие вне самой Традиции. Соответственно, обучающийся не может выбирать форму своего участия в мистерии, однако, если обучение проходит успешно, эта форма изменяется Традицией в соответствии с новыми учебными задачами. Иными словами, новую роль можно получить лишь после полного освоения предыдущей. Активность ученика состоит при этом не в том, чтобы бороться за право играть другую роль в мистерии (даже если допустить, что их список стал ему известен), а в том, чтобы интенсивно решать задачи собственного ученичества, оставив вопрос изменения ролей за Традицией.

Как уже говорилось, Путь может начаться лишь тогда, когда предложенная Традицией картина мира интериоризируется ее последователем – становится его «собственной» картиной мира. Да, эта картина мира полагает мир говорящим, т.е. субъектом, но не требует обязательной веры в Бога (или Абсолют, или Высший Разум). И эта картина мира ограничена Законом

Традиции. Его соблюдение имеет главной задачей развитие субъектности человека. Вхождение под Закон Традиции поэтому есть отказ от защиты, предусмотренной статистическими законами Великого Среднего, т. е. социума., который, как известно, субъектом не интересуется. Потому в жизни соискателя личного Духа, после его постановки под Закон, внешне ничего не меняется, но во внутренней жизни субъекта – меняется очень многое. С этого момента он и только он ответственен за каждое событие своей жизни. Традиция учит: «Никогда не обвиняй в событиях своей жизни никого другого, даже если это Господь Бог.» И потому Путь начинается и в дальнейшем состоит из решения, казалось бы, обычных житейских задач, но с тем существенным отличием, что даже простая жизненная ситуация должна стать личным актом творчества, «заверенным» личной подписью автора: «Это сделал Я и горжусь этим. Это сделал Я и стыжусь этого. Но это Я сделал!...» Особо следует отметить, что, прекрасно понимая трудности превращения «социального винтика» в творца собственной жизни, Традиция чрезвычайно демократична и ни в коей мере не посягает на свободу выбора человека. Потому входить, равно, как и выходить из-под Закона, можно столько раз, сколько хочется, и это не влечет никаких «штрафных санкций».

Что же постулирует Закон Традиции? Всего постулатов три:

- Каждый человек – проводник безграничного океана знания и сил, лежащих позади него;
- Познай себя, как часть мира, а мир, как часть себя;
- Из мира следствий – в мир причин.

Первый постулат – этического характера и не представляет собой нечто уникальное. Такие же, или аналогичные постулаты существуют во многих духовных традициях. В известном смысле, это достаточно точный перевод на современный русский язык одного из главных постулатов Раджа-Йоги в изложении Вивекананды. **Смысловая нагрузка этого постулата состоит в утверждении, что все знания на Земле хранятся только в форме людей.** И потому Традиция последовательно отказывается от поисков Знания в библиотеках, в ноосфере, в космосе, в созвездии Ориона и т. д. Она принципиально добывает их не в монастырях или других закрытых социумах специального характера, но непосредственно «на базаре жизни» – среди людей и в отношениях между людьми. Поэтому, если человек намерен выйти из убежища Традиции (которое, кстати сказать, стенами и башнями от социума не отграничено) и отыскать свой персональный путь, он не должен уходить из социальной жизни. Он обязан решать сложную задачу совмещения духовного ученичества как, главным образом, внутренней работы, с жизнью социальной – профессиональной деятельностью, семьей, общественными связями. В этом аспекте не важна профессиональная ориентация и способ реализации в социуме. Важно, чтобы эта реализация все более управлялась Субъектом. Важно, чтобы отношения с самыми разными людьми, в том числе и с теми, общества которых человек не искал, стали учебным полигоном по принципу: каждый человек что-то рассказывает обо мне самом. Тогда каждая, пусть, самая малая ситуация – есть ситуация учебная. Так постепенно человек может познакомиться с собой как образом человечества, сотканным из живой ткани человеческой жизни. Так постепенно он может дойти до переживания, что нет людей плохих и хороших, но есть жизнь, недостойная людей. Так постепенно воплощенный Дух получает возможность вычленив себя из своей воплощенности, растождествиться со своим «инструментом».

Второй постулат – весьма специфичен для данной картины мира. Ибо из него следует позиция объявления Реальности «говорящей» и, соответственно, позиция поиска диалога с ней. Диалог же подразумевает овладение техникой резонанса как особым способом пребывания в мире. Для этого используется разработанная И. Н. Калинаускасом методика активной саморегуляции, известная под названием «Методики дифференциальных функциональных состояний (ДФС)». Она важна как язык, с помощью которого человек может осуществлять

диалог с Реальностью. Кроме того, занятия по методике ДФС способствуют развитию «инструментальной» сущности – этого естественного аппарата осуществления психо-энергетического диалога. **В этом аспекте, Путь, предлагаемый Традицией, есть Путь развития сущности.**

Справедливости ради следует отметить, что, независимо от духовной устремленности, «Методика ДФС» может быть освоена любым человеком. Она есть продукт, способствующий развитию эмоционально-чувственной сферы, повышению психической устойчивости и возможностей социальной адаптации, включая инициацию или развитие креативных способностей человека при снижении общего уровня его невротизации. Освоение этой методики не подразумевает обязательных духовных поисков, но может позволить возобновить участие в «социальном соревновании» с лучшей психической и энергетической вооруженностью.

Позиция диалога, как специфическая установка этого типа духовного Пути, подразумевает резонанс между субъективной и объективной Реальностью. Отсюда вытекает и установка на помещение стабильного самосознания в «нулевую» позицию, т.е. на стыке субъективной и объективной Реальности во имя обеспечения целостности человека и пространства его жизни. В противном случае, человек либо теряет свой объект, растворяясь в пространствах субъективной Реальности и пытаясь подменить объективную Реальность произвольными проекциями своего сознания, либо полностью отрешается от субъекта, отождествляя себя с объективно данным устройством жизни и превращаясь в биологический объект, управляемый внешними раздражителями.

Таким образом, для последователя Традиции генеральной линией работы с собой становится постоянная, грамотная работа со своей субъектностью, с формирующимся стабильным самосознанием, с различными аспектами своей воплощенности, включая и Я-концепцию. Разумеется, немедленных результатов такой работы ожидать не приходится, но, если она ведется постоянно, то первый этап обучения завершается через 9 – 12 лет. В связи с этим, подчеркивая перманентность личных усилий, Абу Силг говорит: **«Кто пойдет за улиткой – тот дойдет. Кто пойдет за львом – погибнет в битве. Кто попытается лететь вместе с орлом – станет, в лучшем случае, пророком. А кто пойдет путем улитки, тот дойдет».**

Третий постулат – из мира следствий в мир причин – означает колоссальный объем работы человека со своим инструментальным сознанием. Иными словами, человек должен усвоить предлагаемую Традицией рациональную информацию из области практической психологии и практической философии. Эта информация, а также разнообразные специальные практики, рассчитаны на развитие способностей человека в части рефлексии и требуют, конечно, значительных интеллектуальных усилий. Однако, учебный материал предлагается в самых разнообразных формах (от строго логической до образно-занимательной) и адаптирован для любой степени начальной подготовленности.

Главное, что предлагает третий постулат человеку в итоге – это жизнь не с опорой на мотивацию достижения (от цели к цели), но с опорой на мотивацию постижения (от смысла к смыслу). Так достигается целокупное бытие. Но без предварительного умения организовать свое целевое бытие (от цели к цели) целокупное бытие неосуществимо. Не случайно мудрецы древности говорили: «Человек, ставший мастером в любой профессии, прошел половину духовного пути».

Так что же есть Путь? Это длительный, трудный, но радостный процесс. Процесс вычленения своего божественного Я из иллюзорной социальной действительности, процесс обретения личного Духа и постижения того, какое великолепное, штучное изделие – Человек. Образно говоря, Путь есть движение от себя – букашки к себе – великану. А больше идти некуда и незачем! Ибо духовность – это не божественная, а человеческая работа, а обретший и реализующий себя человек становится Субъектом деятельности, т.е. активным Со-творцом бесконечно развивающейся Реальности. Желаящие могут назвать Субъект деятельности

Богочеловеком. Но разве дело в названии?... Дело в том, чтобы заинтересоваться всерьез собой и своей жизнью. Абу Силг в связи с этим вопрошает: «Есть ли у человека потребности, не обусловленные внешними обстоятельствами его жизни? Можно ли помочь человеку, не имеющему потребностей, не обусловленных внешними обстоятельствами его жизни? Что есть Путь?»

3. Человек. Инструкция для пользователя

3.1. Ученое неведение (Постановка проблемы)

Спросите любого человека в возрасте от десяти лет и старше, знает ли он себя... В подавляющем большинстве случаев вы получите утвердительный ответ. Но что за этим стоит?

С одной стороны, человеческая цивилизация не сегодня рождается – ее история насчитывает, как минимум, 40 – 45 тысяч лет. И, естественно, создавая собственную среду обитания, человечество не могло обойтись без каких-то представлений о главном ее обитателе – о человеке. Потому было бы легкомысленным утверждать, что человек полностью лишен всякого самоосознавания.

Но, с другой стороны, Традиция, о которой идет речь в этой книге, предлагает собственную трактовку учения о человеке. Следовательно, подразумевается, что укоренившиеся на уровне массового сознания представления о природе и устройстве человека недостаточны. В чем же их недостаточность?

Чтобы ответить на данный вопрос, полезно осуществить своеобразный ретроспективный анализ процесса формирования представлений человека о себе, начиная непосредственно с момента его рождения.

К сожалению, нам не дано вспомнить ситуацию своего собственного рождения. Однако, опираясь на опыт рождения и последующего взросления собственных детей, или детей наших родственников и знакомых, мы можем представить себе этот процесс, причем, достаточно ярко.

Итак, малыш родился. Уютное, беззаботное существование внутри материнской утробы, где между возникновением какой-либо потребности маленького организма и ее удовлетворением временной зазор практически отсутствовал, закончилось. Малыш оказывается в огромном мире, где все для него суть неизвестность, где всему нужно учиться. Даже если допустить, что дух не впервые воплотился в биологическом носителе, то и тогда ситуация мало меняется – тело и сознание малыша находятся в состоянии, отрицающем всякую попытку автономного существования. Спонтанная сенсорно-моторная активность – единственное средство, с помощью которого может заявить о себе малыш, – отнюдь не ведет к мгновенному удовлетворению возникающих, прежде всего, биологических потребностей. Между их возникновением и удовлетворением возникают временные паузы, которые служат побудительным мотивом к деятельности сознания, а, затем, и к сознательной деятельности. Вспомните родительские терзания по поводу плача и беспокойного поведения грудного ребенка: быть может, он голоден... а, может быть, ему жарко... возможно, он хочет пить... а, может быть, пучит животик... Лишь со временем звуки, издаваемые ребенком, или его телодвижения становятся более «осмысленными» и распознаваемыми родителями. Устанавливается первая «обратная связь», устанавливается первый взаимный контакт...

Окажись малыш один на один с окружающей средой – и он обречен на гибель. Но он рождается в уже упорядоченной среде обитания, подготовленной и структурированной всеми предшествующими поколениями людей. Рядом с ним – люди. Они ухаживают за ним, обслуживают его, реагируют на его сигналы, управляют удовлетворением потребностей малыша и, разумеется, воздействуют не только на его тело, но и на формирующееся сознание. Автономность малыша – нулевая, зато зависимость от окружающих – стопроцентная. Какие бы потребно-

сти не возникали у ребенка, их удовлетворение неминуемо организуется его внешним окружением – родными и близкими людьми, разумеется, в меру их собственного понимания и умения.

Обратим внимание на этот факт! Так в едва зародившееся сознание человека закладывается фундаментальная зависимость от среды обитания и ее конкретных обитателей, т.е. от ближнего социума. В лучшем случае эта психологическая зависимость будет на протяжении всей жизни заставлять человека жить и действовать с оглядкой на мнение окружающих. В худшем случае уже взрослый человек может занять в отношении своей жизни, так сказать, «детскую» позицию: сделайте со мной что-нибудь, позаботьтесь обо мне... Такой человек становится социально-пассивным, как говорится, инфантильным. И если опека младенца родителями есть необходимая мера защиты его жизни, то зависимость биологически взрослого человека от заботы о нем окружающих никакой объективной необходимостью не вызвана – это лишь психологический комплекс, «запечатка». Аналогичная зависимость формируется, хоть и на более примитивном уровне, у стайных животных, где более или менее проявлена иерархическая соподчиненность в рамках стаи. Потому многие сцены в красивой сказке Р. Киплинга о Маугли имеют вполне реальную психофизиологическую основу.

Примерно в возрасте одного года ребенок оказывается в состоянии осуществлять целенаправленные движения, прилагать усилия, преодолевать препятствия, и, наконец, более или менее освоить процесс ходьбы. В результате его автономность резко увеличивается, он может достаточно свободно передвигаться в пространстве, самостоятельно выбирая скорость и направление движения. Но, поскольку ребенок еще не в состоянии осознать, какие действия являются для него опасными, а какие – нет, расширение двигательной свободы сопровождается усилением опеки со стороны родителей, стремящихся обеспечить его физическую безопасность.

По мере взросления двигательная автономность ребенка продолжает увеличиваться и, примерно, к трехлетнему возрасту начинает все чаще наталкиваться на ограничения, создаваемые родительским окружением. Родители при этом воспринимаются как прямое препятствие к реализации двигательной автономности, и ребенок начинает проявлять упрямство, вступая с ними в противоборство. Естественно, со своей стороны, родители оказываются перед необходимостью прибегнуть к прямому физическому воздействию, ибо только так можно ограничить возросшую физическую активность. С помощью прямого принуждения и различных приемов поощрения – наказания, в условиях полной зависимости жизни ребенка от родительской опеки, последним удается в той или иной степени утвердить свой авторитет, и уже с этого места диктовать ребенку правила поведения. Соответственно, ребенок, усвоив понятие авторитета, начинает учиться самостоятельно регулировать свое поведение, согласовывая его с установленными родителями правилами.

Регламентация активности и автономности ребенка осуществляется, конечно, не только на уровне физических взаимодействий, но и вербально-логическим способом, формируя определенный способ мышления, основанный на дихотомических критериях оценки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.